

Еженедѣльный журналъ | № 45-й. | 3-го ноября 1911 года.

Часть официальная,

РАСПОРЯЖЕНІЯ ЕПАРХІАЛЬНАГО НАЧАЛЬСТВА.

Перемѣны по службѣ:

20 сентября, псаломщикъ Петро Павловской церкви м. Полоннаго, Новоградволинскаго уѣзда, діаконь Іоаннь Тучемскій отрѣшенъ отъ должности.

20 октября, псаломщикъ с. Глухъ, Владимірволинскаго уѣзда, Аѳанасій Божовскій, переведенный было въ с. Калиновку, Житомирскаго уѣзда, оставленъ на прежнемъ мѣстѣ въ с. Глухахъ.

20 октября, псаломщикъ с. Калиновки, Житомирскаго уѣзда, діаконь Григорій Виногородскій, переведенный было въ с. Глухи, Владимірволин-

скаго уѣзда, отчисленъ отъ сего прихода и переведенъ въ м. Ушомірь, Житомирскаго уѣзда, а псаломщикъ діаконь м. Ушоміра Феодоръ Щирый переведенъ въ с. Калиновку.

23 октября, псаломщикъ с. Щурина, Луцкаго уѣзда, Ростиславъ Кваснѣцкій уволенъ отъ должности.

23 октября, псаломщикъ с. Хорохорина, Луцкаго уѣзда, Иларій Николинъ уволенъ отъ должности.

23 октября, псаломщикъ с. Залужья, Острожскаго уѣзда, Платонъ Романовскій, согласно прошенію, почисленъ за штатъ.

24 октября, сверхшт. псаломщикъ Владимірволинскаго собора Вячеславъ Кваснѣцкій назначенъ временно и. д. псаломщика къ тому же собору.

25 октября, священники Владимірволинскаго уѣзда: с. Грибовицы Антоній Мицевичъ и с. Шель-

вова Никаноръ *Шуровскій*, согласно прошенію, переведены одинъ на мѣсто другого.

25 октября, псаломщики Владиміровольнскаго уѣзда: с. Бортнова Даниль *Гъчинскій* и с. Блудова Владиміръ *Вълецкій*, переведенные было одинъ на мѣсто другого, оставлены на прежнихъ мѣстахъ.

26 октября, просфорня с. Левковичъ, Овручскаго уѣзда, Елисавета *Шеметило* уволена отъ должности и на ея мѣсто назначена вдова псаломщика Стефанида *Сатаневичъ*.

26 октября, жена землевладѣльца Евгенія *Хоменко* назначена просфорнею въ село Малый-Скнить, Острожскаго уѣзда.

26 октября, вдова псаломщика Соломонія *Радзиховская* назначена просфорнею въ с. Жабче, Изяславльскаго уѣзда.

27 октября, б. учитель церковно-приходской школы Всеволодъ *Аржемскій* назначенъ и. д. псаломщика въ с. Лисинцы. Лашковскаго прихода, Изяславльскаго уѣзда.

29 октября, личный гражданинъ Юліанъ *Глинскій* назначенъ псаломщикомъ въ с. Залужье, Острожскаго уѣзда.

Священникъ Василіевской церкви г. Владиміровольнска Стефанъ *Бакарджіевъ* съ 1 ноября назначенъ законоучителемъ мужской гимназіи въ г. Александріи, Херсонской губерніи.

Вакантныя мѣста.

а) священническія:

При св. Василіевской церкви г. Владиміровольнска, жалованья священнику 400 р. въ годъ; земли при церкви 99 дес.; прихожанъ 1414 душъ; помѣщеніе есть.

При тюремной церкви г. Острога.

б) псаломщическія:

Въ с. Плеснѣ, Изяславльскаго уѣзда; жалованья псаломщику 100 руб. въ годъ; земли при церкви 39 дес. 1145 саж.; прихожанъ 1108 душъ; помѣщеніе есть.

Въ с. Боголюбахъ, Луцкаго уѣзда; жалованья псаломщику 100 руб. въ годъ; земли при церкви 35 десят.; прихожанъ 536 душъ; помѣщеніе ветхое.

Въ с. Спасовѣ, Дубенскаго уѣзда; жалованья псаломщику 50 руб. въ годъ; земли при церкви 42 десятины, 732 саж.; прихожанъ 1462 души; помѣщенія нѣтъ.

Въ с. Старосельѣ, Луцкаго уѣзда; жалованья псаломщику 50 руб. въ годъ; земли при церкви 52 десят. 1439 саж.; прихожанъ 2053 души; помѣщеніе ветхое.

Въ с. Хижинцахъ, Житомирскаго уѣзда; жалованья псаломщику 100 руб. въ годъ; земли при церкви 33 дес. 1558 саж.; прихожанъ 643 души; помѣщеніе ветхое.

Въ с. Гаяхъ Ливятинскихъ, Кременецкаго уѣзда; жалованья псаломщику 100 руб. въ годъ; земли при церкви 54 десятины, 1394 саж.; прихожанъ 701 душа; помѣщеніе есть.

Въ с. Таражѣ, Кременецкаго уѣзда; жалованья псаломщику 50 руб. въ годъ; земли при церкви 42 дес. 1558 саж.; прихожанъ 2348 душъ; помѣщеніе есть.

Въ с. Щуринѣ, Луцкаго уѣзда; жалованья псаломщику 50 руб. въ годъ; земли при церкви 28 дес.; прихожанъ 2741 душа; помѣщеніе ветхое.

Въ с. Хорохоринѣ, Луцкаго уѣзда; жалованья псаломщику 50 р. въ годъ; земли при церкви 69 дес.; прихожанъ 1342 души; помѣщеніе есть.

При Петро Павловской церкви м. Полоннаго, Новоградволинскаго уѣзда; жалованья псаломщику 50 руб. въ годъ; земли при церкви 59 дес.; прихожанъ 1925 душъ; помѣщеніе есть.

При Кременецкомъ Св.-Николаевскомъ соборѣ мѣсто штатнаго діакона (протодіакона Епископа Кременецкаго); жалованья 180 руб. въ годъ; земли при соборѣ 54 десят. 895 саж.; прихожанъ 2038 душъ; помѣщеніе есть. Для замѣщенія сей должности приглашается діаконъ (или свѣтское лицо, имѣющее желаніе принять санъ діакона), обладающій хорошимъ сильнымъ басомъ и музыкальнымъ слухомъ.

Для пробы голоса должно лично явиться въ г. Кременецъ къ Епископу Кременецкому.

НАГРАДЫ.

Его Высокопреосвященствомъ, Высокопреосвященнѣйшимъ Антоніемъ, Архіепископомъ Волынскимъ и Житомирскимъ священники Изяславльскаго уѣзда: села Жабче Григорій Коссовскій, м. Лабуня Алексѣй Самойловичъ и села Новоселицы Іоаннъ Теодоровичъ, за примѣрное исполненіе пастырскихъ обязанностей, награждены **скуфьею**, а священникъ с. Раштовки, Жабчинскаго прихода Григорій Андрушкевичъ — **набедренникомъ**; священники Ковельскаго уѣзда—с. Велицка Фавстъ Козицкій, с. Кречевичъ—Александръ Голдаевичъ, за примѣрное исполненіе пастырскихъ обязанностей, награждены **скуфьею**, а священники с. Бытня Дмитрій Михалевичъ и с. Повурска Михаилъ Барщевскій награждены **набедренникомъ**; священникамъ-же м. Грицева, Изяславльскаго уѣзда, Арсенію Михайловскому и с. Микулина, того-же уѣзда, Лавру Барщевскому объявляется благодарность Епархіальнаго Начальства.

Отъ Епархіального Попечительства.

По постановленіямъ Епархіального Попечительства, состоявшимся 27—29 сентября с. г., съ соизволенія Его Преосвященства, утверждены къ исполненію росписанія о бѣдныхъ духовнаго вѣдомства, составленныя на предметъ выдачи изъ суммъ мѣстныхъ окружныхъ попечительствъ пособій: 1) за 1-ю половину 1911 года, при воспособленіи 4 руб. со стороны Епархіального Попечительства, по 3-му округу Ковельскаго уѣзда, слѣдующимъ лицамъ: священническимъ вдовамъ—Елисаветѣ Кушевичъ 4 р., Эмелии Малевичъ 5 р., протоіерейской сиротѣ—Елисаветѣ Теодоровичъ 7 руб., священническимъ сиротамъ—Маріи Ждановичъ 4 р., Олимпіадѣ Антоновичъ 7 р., Валеріи Дашкевичъ 4 руб., Еленѣ и Аннѣ Литвиновичамъ 5 руб., Іуліаніи Гвоздиковской 4 р., Аннѣ, Павлѣ и Анастасіи Буховичамъ 6 р. 50 коп., псаломщическимъ вдовамъ—Параскевѣ Юзвинкевичъ 4 р., Екатеринѣ Теодоровичъ 3 р., Маріи Пашкевичъ 4 руб., псаломщическимъ сиротамъ—Маріи Яницкой 3 р. и Аннѣ Юзефовичъ 3 рубля; 2) за 1-ю половину 1911 года, при восспособленіи 4 руб. 75 коп., со стороны Епархіального Попечительства, по 6-му округу Житомирскаго уѣзда, слѣдующимъ лицамъ: священническимъ вдовамъ—Аннѣ Соханевичъ 6 р., Екатеринѣ Писаревской 6 р., священническимъ дочерямъ—Александрѣ Дейниковской 5 р., Таисіи Скобельской 5 р., заштатному священнику—Кондрату Синякевичу 5 р., псаломщическимъ вдовамъ—Екатеринѣ Костинской 8 р., Анастасіи Витавской 5 руб. и Анисіи Левицкой 6 рублей.

По постановленіямъ Епархіального Попечительства, состоявшимся 6—8 октября с. г., съ соизволенія Его Преосвященства, утверждены къ исполненію росписанія о бѣдныхъ духовнаго вѣдомства, составленныя на предметъ выдачи изъ суммъ мѣстныхъ окружныхъ попечительствъ пособій: 1), за 1-ю и 2-ю половины 1911 года, при восспособленіи 6 руб. со стороны Епархіального Попечительства, по 6-му округу Ковельскаго уѣзда, слѣдующимъ лицамъ: священническимъ вдовамъ—Магдалинѣ Саковичъ 8 руб., Варварѣ Малевичъ 8 руб., Нинѣ Муссіевичъ 8 руб., Магдалинѣ Яромловичъ 8 руб., Неонилѣ Люткевичъ 8 руб., священническимъ сиротамъ Неонилѣ,—Харисѣ и Вѣрѣ Львовичамъ 12 руб., Олимпіадѣ, Надеждѣ и Аннѣ Саковичамъ 12 руб., псаломщическимъ вдовамъ Софіи Ивановичъ 4 руб., Аннѣ Куницкой 5 руб., Аннѣ Зинькевичъ 4 руб., Софіи Пашкевичъ 4 руб., Маріи Михалевичъ 4 руб., Маріи Малевичъ 4 руб., Аннѣ Яковкевичъ 5 руб., Агрипинѣ Ненадкевичъ 6 руб., и псаломщическому сыну Кинтиліану 6 рублей; 2) за 1-ю половину 1911 года, безъ восспособленія со стороны Епархіального попечительства, по 1-му округу Ровен-

скаго уѣзда слѣдующимъ лицамъ: священническимъ вдовамъ—Софіи Калиновичъ 6 руб., Апполинаріи Недоборовской 8 руб., заштатнымъ псаломщикамъ Θεодору Ясинецкому 5 руб., Автоному Яссіевичу 5 руб., псаломщическимъ вдовамъ—Ольгѣ Денисевичъ 4 руб., Θεодосіи Гунчевской 7 руб., псаломщическимъ сиротамъ Юліи и Маріи Денисевичамъ 8 рублей; 3), за 1-ю и 2-ю половины 1911 года, безъ восспособленія со стороны Епархіального Попечительства, по 3-му округу—Острожскаго уѣзда слѣдующимъ лицамъ: священническимъ вдовамъ—Вѣрѣ Моргулецъ 12 руб., Надеждѣ Костюкевичъ 10 руб., Маріи Рыбчинской 10 руб., священническимъ сиротамъ—Іуліаніи Савлучинской 11 руб., Василисѣ Малькевичъ 8 руб., псаломщическимъ вдовамъ—Аннѣ Подчашинской 7 руб., Ольгѣ Суцевской 10 руб., Александрѣ Божовской 4 руб. 50 коп., Анастасіи Теодоровичъ 4 руб. и псаломщической дочери Маріамнѣ Подчашинской 5 руб.

О смерти протоіерея.

Въ ночь съ 14 на 15 сентября сего года скончался 92 лѣтній пастырь Волыни, заштатный протоіерей Троицкой церкви с Старой Чарторіи, Новоградволынскаго уѣзда, Θεодосій Стефановъ Колябинскій. Почившій о. протоіерей по окончаніи курса Волынской Духовной Семинаріи со званіемъ студента въ 1841 г. былъ назначенъ учителемъ Дерманскаго училища въ 1 классъ. Въ 1844 г. Правленіемъ Волынской Духовной Семинаріи былъ назначенъ помощникомъ инспектора того же училища и въ томъ же году былъ назначенъ учителемъ втораго класса. Въ 1846 г. былъ переведенъ въ Бѣлостокское училище учителемъ русскаго, славянскаго, латинскаго языковъ и катихизиса. Въ 1848 г. по прошенію уволился отъ занимаемой должности и 26 сентября былъ рукоположенъ во священника къ Троицкой церкви с Старой Чарторіи, гдѣ прослужилъ до 10 апрѣля 1905 года, когда по старости лѣтъ вышелъ въ заштатъ. О. протоіерей за 56 лѣтнюю службу былъ удостоенъ всѣхъ наградъ до св. Владиміра 4 ст. включительно. По выходѣ въ заштатъ о. протоіерей жилъ при внучкѣ—Варварѣ Левитской, больше родныхъ у него не было. До выхода въ заштатъ о. протоіерей аккуратно вносилъ 25 коп. въ пользу осиротѣлыхъ семействъ.

Часть неофициальная.

Свѣтлый праздникъ русскаго просвѣщенія.

(Къ двухсотлѣтію со дня рожденія М. В. Ломоносова).

(8 ноября 1911 г.).

I.

Прочитавъ заголовокъ настоящей замѣтки, большинство читателей, думается намъ, оставитъ ее безъ вниманія или даже пошлетъ упрекъ редакціи; одни при этомъ скажутъ: вотъ нашли де чѣмъ занимать публику—этакой почтенной древностью, а другіе досадливо замѣтятъ: не мало слышали о Ломоносовѣ въ семинаріи, все о немъ знаемъ, —нечего зады повторять... Лучше о чемъ нибудь современномъ и намъ близкомъ писать...

Считаясь съ такими взглядами, мы все же дерзаемъ просить у читателей „Епархіальныхъ“ нѣсколько минутъ вниманія, надѣясь открыть новое въ старомъ, неизвѣстное въ извѣстномъ, вообще—отмѣтить все интересное для читателей и читательницъ этого органа, какъ въ жизни М. В. Ломоносова, такъ и въ его произведеніяхъ. Пусть не вполне художественнымъ будетъ наше изображеніе, но имъ мы, однако, попытаемся доказать, какъ много весьма интереснаго для насъ и нашего времени есть въ личности и трудахъ „геніальнаго помора“. Вѣдь не даромъ же о Ломоносовѣ написаны десятки книжекъ, среди которыхъ, между прочимъ, не последнее мѣсто занимаетъ проникнутое большою любовью къ своему герою современное намъ изслѣдованіе архангельскаго священника о. Грандилевскаго.

II

Не будемъ долго останавливаться на біографіи Ломоносова, ибо кто не знаетъ съ школьныхъ лѣтъ подробностей о томъ, „какъ Архангельскій мужикъ по своей и Божьей волѣ сталъ разумень и великъ“. Огмѣтимъ, прежде всего, благотворное вліяніе на ребенка его матери—дочери дьячка (или, по мнѣнію иныхъ, діакона) изъ сосѣдняго съ Денисовкой села Матигоръ. Крайне жалко, пишетъ о. Грандилевскій, что забыто ея имя, между тѣмъ, какъ оно вполне заслуживаетъ благодарнѣйшей памяти... Она, какъ сохранилось въ народной молвѣ, обладала выдающимися качествами души, отражавшими все наилучшее, и такимъ образомъ была вполне достойною ма-

терью геніальнѣйшаго сына. Отъ нея и ея родныхъ маленькій Михайло получилъ задачки особенной любви къ храму Божію, къ молитвамъ и къ церковному чтенію и пѣнію. Эта любовь не оставляла его во всю жизнь; подъ ея вліяніемъ онъ часто собиралъ въ дѣтствѣ около себя кружокъ слушателей и пересказывалъ имъ житіе какого нибудь святого. Съ другой стороны Михайло былъ самъ большой любитель разсказовъ и былинъ, какими и доселѣ славится Поморье, а также поученій стариковъ и людей бывалыхъ. Въ то время поморяне, въ большинствѣ раскольники, были особенно возбуждены: наиболѣе занимали народное вниманіе тогда вопросы религиозные, такъ какъ по селамъ и деревнямъ ходили ближайшіе ученики извѣстнаго Аввакума и отцовъ Соловецкихъ, которые горячо проповѣдывали повсюду противъ новшествъ Никона и утверждали людей въ древлемъ благочестіи. Мало удивительнаго и зазорнаго въ томъ, что неудержимо стремившійся къ знанію двѣнадцатилѣтній юноша былъ увлеченъ этимъ движеніемъ въ крайнюю безпопощину. Неизвѣстно, долго ли Михайло оставался въ расколѣ; съ вѣроятностью можно, однако, предположить, что вліяніе матери и ея родныхъ и свѣтлыя преданія о томъ, кого раскольники считали „антихристомъ“, т. е. о Петрѣ Великомъ, много содѣйствовали его возвращенію въ православіе. „Дерзость прежняго отрицанія и добровольный сознательный переходъ въ православіе, должны были, замѣчаетъ одинъ изъ біографовъ, утвердить въ геніальномъ юношѣ крѣпость нравственныхъ убѣжденій, поселить въ немъ всегдашнюю готовность и рѣшимость жертвовать всею для высшихъ цѣлей духа“.

Оставляя въ сторонѣ извѣстное всею благотворное вліяніе на Ломоносова сѣверной природы, обратимся къ его образованію домашнему и Московскому. Ломоносовъ еще крестьяниномъ зналъ наизусть большую часть церковныхъ пѣсень, каноны Іоанна Дамаскина и проч. Они развили въ немъ глубокое внутреннее благочестіе, чистый взглядъ на вѣру и на ея отношенія къ наукѣ, словомъ, какъ говорилъ Ламанскій, „воспитали въ немъ православнаго челоука, опредѣлили его философскія убѣжденія и вливали въ его поэзію ту чисто православную струю, которая отличаетъ нашу поэзію отъ всѣхъ европейскихъ, отъ Ломоносова до Языкова, Хомякова и А. Толстого“. Первыми учебными пособіями, или „вратами мудрости“, для Михайла были переложеніе псалмовъ Симеона Полоцкаго, близкое къ славянскому тексту, и ариѳметика Магницкаго, замѣняющая собою и геометрію, и физику, и географію. Ломоносовъ зачитывался псалтирью, училъ ее наизусть, вникалъ въ каждое ея слово и выраженіе. Съ его развитіемъ,—которому она много содѣйствовала—росло самое

значеніе книги: ея обладатель, конечно, потомъ находилъ въ ней то, чего не приходило и на умъ Полоцкому.

Пропустимъ общеизвѣстную исторію ухода Ломоносова изъ отцовскаго дома, очень сходную, между прочимъ, съ исторіей патріарха Никона. Замѣтимъ здѣсь только, что во время этого бѣгства Михайло былъ нѣкоторое время въ Сійскомъ монастырѣ псаломщикомъ. Много онъ тогда пережилъ, но вѣра въ свое призваніе и Промыслъ Божій никогда его не покидала. Первую ночь въ Москвѣ Ломоносовъ проспалъ въ обшешняхъ, у рыбнаго ряда и проснулся раньше всѣхъ товарищей. Радость, которую онъ ощущалъ наканунѣ при видѣ Бѣлокаменной, смѣнилась теперь глубокою скорбью; онъ созналъ свое одиночество, свое беспомощное положеніе: вдали отъ родныхъ, одинъ въ большомъ городѣ, безъ знакомыхъ людей,—что ему дѣлать?.. Горько заплакалъ онъ и, обратясь къ ближней церкви, усердно молилъ Бога, чтобы его призрѣлъ и помиловалъ.

„Святая, великія слезы и молитва! Онъ призвали благословеніе Божье на начала русской литературы и науки“ (Ламанскій). Наконецъ Ломоносовъ попадаетъ въ славяно-греко-латинскую академію, въ которой легко узнать типичнѣйшую бурсу. Пребываніе его здѣсь было для него прежде всего полезно тѣмъ, что онъ хорошо выучился по латыни, близко ознакомился съ римскою литературою, хорошо освоился съ Свящ. Писаніемъ, съ твореніями св. отцовъ и имѣлъ случай прочесть старинные сборники, хронографы, лѣтописей; въ академической бібліотекѣ Ломоносовъ нашелъ какія-то старинныя физико-математическія книги, которыя его очень заняли. Интересуясь естествознаніемъ, Ломоносовъ, по совѣту Московскихъ учителей, отправился въ Кіевскую академію, но пробылъ здѣсь очень недолго, такъ какъ ему не понравилось тогдашнее схоластическое преподаваніе. Больше пользы принесло молодому юношѣ чтеніе поэта Лукреція, Плинія младшаго, Григорія Богослова и въ особенности Василия Великаго, живому и цѣльному чувству природы котораго такъ сочувствовалъ Гумбольдтъ. Съ этой стороны Ломоносовъ превосходилъ многихъ современныхъ ему европейскихъ естествоиспытателей. Такимъ своимъ преимуществомъ онъ главнѣйше обязанъ, послѣ своей родины, твореніямъ Василия Великаго, мало извѣстными на западѣ, даже и между богословами. Такъ—въ его плаваніяхъ по Бѣлому морю и Сѣверному Океану—сложился въ Ломоносовѣ этотъ живой, врожденный поморамъ поэтической взглядъ на природу, а изученіе Василия Великаго расширило и изощрило этотъ взглядъ“. Годы ученія „проведены были Ломоносовымъ семинаристомъ въ непрерывныхъ лишеніяхъ, трудахъ и борьбѣ съ самимъ собою, съ собствен-

ными страстями и влеченіями его пылкой, страстной природы. Только благодаря горячей любви къ наукѣ и вѣрѣ въ свое призваніе, 20—25-ти лѣтній Ломоносовъ могъ себя облекать въ броню суроваго стоицизма, а иначе бы онъ не устоялъ противъ разнообразныхъ представлявшихся ему искушеній“. *) По окончаніи академіи Ломоносова хотѣли было даже посвятить во священники, но Богъ судилъ ему иное.

Во всѣхъ этихъ обстоятельствахъ изъ жизни Ломоносова есть немало данныхъ, роднящихъ геніальнаго юношу-крестьянина съ духовенствомъ, по крайней мѣрѣ, въ лицѣ его лучшихъ представителей, также растущихъ подъ сѣнью Церкви и влияніемъ природы и народа.

III.

О томъ, какая проявилась въ юношѣ великая воля и съ какой силой стремилась къ свѣту и знанію душа простеца, мы уже не говоримъ, предполагая все это давно извѣстнымъ нашимъ читателямъ. Пропустимъ также, какъ общеизвѣстное, пребываніе Ломоносова за границей, а перейдемъ къ его службѣ при академіи наукъ и къ его литературной и ученой дѣятельности. „Профессорская жизнь Ломоносова представляла съ одной стороны неутомимую ученую и литературную дѣятельность, а съ другой—постоянныя заботы объ образованіи русскаго юношества и вообще о распространеніи просвѣщенія въ Россіи: стремясь къ этой послѣдней цѣли, онъ велъ борьбу съ „непріятелями наукъ російскихъ, которые не давали возрастать свободно насажденію Петра Великаго“. **) Главнымъ непріателемъ его была академическая канцелярія, захватившая въ свои руки управленіе и хозяйственными и учеными дѣлами академіи, такъ что ученая корпорація академиковъ, вмѣсто того, чтобы пользоваться полной свободой, необходимой для науки, находилась у нея въ зависимости; непріятенъ былъ для Ломоносова и новый академическій уставъ, подававшій поводъ ко многимъ несправедливостямъ; наконецъ, непріятелями Ломоносова были и всѣ тѣ иноземцы (нѣмцы), которые, какъ это и теперь бываетъ, пользуясь разными льготами и преимуществами въ Россіи, не только относились равнодушно къ ея благу, но даже выказывали высокомерное презрѣніе къ русскимъ и всегда и вездѣ давали чувствовать свое превосходство. Приглашенные изъ за границы иностранные ученые тогда совсѣмъ почти не заботились о насажденіи наукъ у насъ и даже мѣшали самому Ломоносову проникнуть въ академію; они

*) Эта и двѣ предыдущія цитаты заимствованы изъ обстоятельной біографіи Ломоносова, принадлежащей профессору Ламанскому.

**) Галаховъ, Исторія русск. словесности, стр. 63.

обращали вниманіе лишь на соблюденіе порядка и внѣшней формы, чтобы, выставивъ на видъ внѣшнее приличіе, удобнѣе было соблюдать свои личныя выгоды. На такихъ людей Ломоносовъ смотрѣлъ какъ на своихъ личныхъ враговъ и велъ съ ними борьбу съ увлеченіемъ и запальчивостью, не смотря ни на что. Здѣсь Ломоносовъ, страстный и увлекающійся, терялъ подчасъ границы приличія, былъ иногда даже несправедливъ или свою вражду вносилъ и въ область науки. За то, съ другой стороны, въ этой борьбѣ высказался со всею полнотою и весь характеръ Ломоносова съ его непомѣрнымъ трудолюбіемъ, глубокою любовью къ наукѣ, пламеннымъ патриотизмомъ и непреклоннок волею. Его борьба имѣетъ и особый идейный смыслъ: въ то время когда общественное положеніе и ученаго, и литератора было незавидно, онъ держалъ себя благородно и мужественно: никто не могъ безнаказанно оскорбить его какъ человѣка. Извѣстны слова Ломоносова, что онъ не хочетъ быть дуракомъ даже у самого Господа Бога. „Онъ одинъ изъ всѣхъ ученыхъ того вѣка яростно боролся противъ униженія ученыхъ, поднимая своимъ достоинствомъ достоинство науки въ государствѣ“. *) Его примѣръ поучителенъ и для насъ. Интересно сужденіе о борьбѣ Ломоносова съ нѣмцами нѣмецкаго же профессора. „Ломоносовъ, пишетъ онъ, сознательно боролся противъ монополіи и привилегіи иностранцевъ, онъ опасался съ ихъ стороны умышленной, послѣдовательной порчи и ослабленія русскихъ и ихъ собственнаго ученаго поколѣнія; только то, что онъ хорошія цѣли преслѣдовалъ средствами не свободными отъ упрека, что онъ при своемъ необузданномъ темпераментѣ не зналъ удержа, что онъ предлагалъ своимъ противникамъ удобнѣйшее оружіе противъ самого себя—это было его ошибкой“. **)

Только съ восшествіемъ на престолъ Императрицы Елизаветы и въ покровительствѣ графа Шувалова Ломоносовъ нашелъ поддержку своей пламенной любви къ знанію и родинѣ. Въ своихъ взглядахъ на нѣмцевъ и въ искреннемъ, безъ ложнаго восторга, преклоненіи предъ Елизаветой, которая явилась на Руси какъ „свѣтъ“ послѣ „тьмы, мрака, скорби и зла“, Ломоносовъ сходится вполнѣ съ тогдашними лучшими церковными проповѣдниками. „Нынѣ совершилось наше спасеніе, говоритъ одна изъ рѣчей на коронаціи Елизаветы, низложенъ сатана и всѣ его аггелы!“... А вотъ характеристика нѣмцевъ въ словѣ архіеп. Новгородскаго Амвросія Юшкевича: „всѣхъ людей добрыхъ, простосердечныхъ, государству доброжелательныхъ и отечеству весь-

ма нужныхъ и потребныхъ, подъ разными протекстами губили, разоряли и вовсе искореняли... Только тѣнью, только тѣломъ здѣсь, а сердцемъ и душою внѣ Россіи пребывали. Всѣ свои сокровища, всѣ богатства, въ Россіи неправдою нажитыя, вонъ изъ Россіи за море высылали, и тамо иные въ банки, иные на проценты многіе милліоны полагали“...

IV.

До вступленія на престолъ „дщери Петровой“ Ломоносовъ писалъ свои заказныя рѣчи и оды, какъ заурядный придворный поэтъ того времени. Суровъ, но въ значительной степени правдивъ отзывъ о нихъ Пушкина. Здѣсь онъ, по словамъ поэта, „не что иное, какъ исправный чиновникъ, а не поэтъ, вдохновленный свыше, и не ораторъ, мощно увлекающійся. Однообразныя и стѣснительныя формы, въ которыя онъ отливаль свои мысли, даютъ его прозѣ ходъ утомительный и тяжелый. Оды его, написанныя по образцу тогдашнихъ нѣмецкихъ стихотворцевъ, давно уже забытыхъ въ самой Германіи, утомительны и надуты“. Далѣе Пушкинъ называетъ даже вліяніе Ломоносова на словесность „вреднымъ“, забывая о томъ, что „не самъ Ломоносовъ создалъ это направленіе, а вмѣстѣ съ образцовыми произведеніями заимствовалъ изъ европейскихъ литературъ, въ которыхъ оно въ это время было господствующимъ“. *) Кромѣ того, „во время Ломоносова намъ не нужно было народной поэзіи: тогда великій вопросъ—быть или не быть заключался для насъ не въ народности, а въ европеизмѣ... Ломоносовъ былъ Петромъ Великимъ нашей литературы“. **)

Съ воцареніемъ Импер. Елизаветы, съ побѣдой націонализма ложное воодушевленіе Ломоносова сразу дѣлается болѣе искреннимъ, отрѣшается отъ искусственности и общихъ мѣстъ и находитъ для своего выраженія болѣе простыя формы. Настроеніе поэта теперь бодро и жизнерадостно. Теперь онъ имѣетъ полное право сказать, что его слогъ „сложенъ изъ похвалъ правдивыхъ“. Теперь Ломоносовъ съ восторгомъ воспѣваетъ побѣду національныхъ началъ, „тишину“, столь необходимую всегда для блага Россіи, великаго Петра—„Онъ Богъ твой былъ, Россія“, и—науку. Въ его одахъ съ этого времени стали появляться мысли, не безынтересныя и для насъ. Позволимъ себѣ напомнить хотя бы извѣстное:

„О вы, которыхъ ожидаетъ
Отечество отъ нѣдръ своихъ

*) Ермиловъ, „Пойдемъ за ними“, стр. 56.

***) Проф. Брюкнеръ, Исторія русской литературы, ч. I, стр. 55.

*) Порфирьевъ, Исторія рус словесности, ч. II, стр. 216.

***) Бѣлинскій, сочин. т VII, стр. 80—83, VIII, 107, XI, 7—8, XII, 151—155 и др.

И видѣть таковыхъ желаетъ,
 Какихъ зовемъ отъ странъ чужихъ! *)
 О, ваши дни благословенны!
 Дерзайте нынѣ, ободренны,
 Раченьемъ вашимъ показать,
 Что можетъ собственныхъ Платоновъ
 И быстрыхъ разумомъ Невтоновъ
 Россійская земля рождать!“

Образъ величественной, безпредѣльной Россіи, спокойно возлежащей отъ края міра до края, опираясь локтемъ на Кавказъ, а подъ ея охраной—тишина, миръ, благоденствіе въ градахъ и селахъ, свобода научнаго и художественнаго творчества—вотъ картина, которая создается теперь воображеніемъ поэта. Изъ русскихъ поэтовъ онъ первый постигъ красу сѣверной природы. Его душа стремится ко всему грандіозному—онъ проникается образомъ Петра и вдохновляется картинами созданія міра, претвореніемъ мрака въ свѣтъ, такими явленіями, когда сотрясаются горы, рѣки текутъ вспять. Умѣстны здѣсь будутъ тѣ слова, какія сказалъ про Ломоносова Гоголь. „Всякое прикосновеніе, говоритъ онъ, къ любезной сердцу Лом—ва Россіи... исполняетъ его силы чудотворной. Среди холодныхъ строфъ польются вдругъ у него такія строфы, что не знаешь самъ, гдѣ ты находишься. Точно, какъ-бы выражаясь его-же словами: „Божественный пророкъ Давидъ священными шумитъ струнами, и Бога полными устами Исая восхищенъ гремитъ“. Всю Россію озираетъ онъ отъ края до края съ какой-то свѣтлой вершины, любуясь и не налюбуюсь ея безпредѣльностью и дѣвственной красой“. **)

Наилучшими поэтическими произведеніями Лом—ва самъ Пушкинъ считаетъ преложена псалмовъ и другія „сильныя и близкія подражанія высокой поэзіи священныхъ книгъ“. „Они, по словамъ поэта, останутся вѣчными памятниками русской словесности“. ***) Въ тяжелыхъ обстоятельствахъ своей жизни, Лом—овъ любилъ обращаться за утѣшеніемъ къ вѣрѣ и искалъ облегченія въ псалмахъ Давида, въ страдальческой жизни Іова; онъ переложилъ нѣсколько псалмовъ въ стихи и написалъ оду изъ книги Іова (гл. XXXVIII—XLl). Наблюденіе надъ явленіями природы и ихъ ученое изслѣдованіе возбуждали въ Лом—овѣ глубокое чувство благоговѣнія и увлеченія къ величію и премудрости Божіей. Это чувство онъ выразилъ въ „размышленіяхъ о Божіемъ величествѣ“, которыя справедливо считаются лучшими его поэтическими произведеніями. Онъ проникнуты неподдѣльнымъ

религіознымъ чувствомъ, исполнены прекрасными картинами природы и написаны легкими гармоническими стихами. Въ „Вечернемъ размышленіи“ великолѣпна картина сѣвернаго сіянія; рядъ вопросовъ, мучащихъ любознательный взоръ, тонущій въ сверкающей звѣздной безднѣ, разрѣшается здѣсь восклицаніемъ: „коль великъ Творецъ!“ Въ „Утреннемъ размышленіи“ воображеніе поэта уноситъ его къ самому свѣтилу міра. Какой просторъ для его кисти, любящей грандіозное и сильное! И опять изъ этого хаоса, огня и грохота бѣшеныхъ стихій поэтъ выходитъ съ восклицаніемъ: „великъ Зиждитель нашъ Господь!“

Подводя теперь итогъ поэтической дѣятельности Лом—ова, скажемъ словами Страхова: „въ Ломоносовѣ совершилось чудо—созданы произведенія, равныя своимъ европейскимъ образцамъ, и явился языкъ, вполне пригодный для такихъ произведеній... Въ стихахъ и прозѣ Ломоносова послышался какой-то тонъ, раздались неожиданно какіе то звуки, мощные, широкіе, съ такимъ размахомъ, съ такою мужественною мелодією, что въ этомъ отношеніи ихъ не превзошла до сихъ поръ наша литература... Ломоносовъ, такъ сказать, задалъ тонъ нашей литературѣ. Вспомнимъ, что въ складѣ стиховъ Пушкина вполне повторяется и только развивается дальше складъ Ломоносовскихъ стиховъ. *) „Ломоносовъ, говоритъ Пыдинъ, есть, безъ сомнѣнія, величайшее имя нашей литературы XVIII в.—не по силѣ поэтическаго дарованія..., но величайшее по цѣлому литературному вліянію, которое давно побуждало видѣть въ Ломоносовѣ „отца“ новой литературы“.

V.

Еще болѣе, чѣмъ за поэтическое творчество, должна быть отдана честь Ломоносову за его пылкую любовь къ наукѣ, ученые труды и за первый шагъ къ созданію русскаго литературнаго языка—опредѣленіе элементовъ книжной русской рѣчи и указаніе ихъ значенія. Недаромъ сказалъ Пушкинъ, что „между Петромъ I и Екатериною II онъ одинъ является самобытнымъ сподвижникомъ просвѣщенія. Онъ создалъ первый университетъ; онъ, лучше сказать, самъ былъ первымъ нашимъ университетомъ“. Онъ былъ своего рода универсальнымъ гениемъ: металлургомъ, геологомъ, химикомъ, электрикомъ, астрономомъ, экономистомъ, статистикомъ, географомъ, историкомъ, филологомъ и поэтомъ. Не будемъ разсматривать эти труды Ломоносова въ отдѣльности, а опредѣлимъ лишь ихъ общее значеніе.

Ученыя сочиненія Ломоносова отличаются, во 1-хъ, строгой и стройной системой, подведе-

*) Въ этихъ словахъ Лом—овъ показываетъ свое уваженіе предъ настоящими учеными изъ иностранцевъ.

**) Изъ письма „Въ чемъ же существо русской поэзіи“.

***) Сочин. изд. Литер. фонда, т. V, 27—28, 220—28, 04; VII, 116 и др.

*) „Борьба съ западомъ въ рус. литературѣ“, кн. 2-я, Спб. 1890 г., стр. 11—14, 35—37.

ніемъ частныхъ подъ законы. Ломоносовъ умѣлъ примирять крайности методовъ опытнаго и умозрительнаго, взаимно ихъ ограничивая и дополняя. Онъ чуждался той практики, которая беретъ одни факты, а не даетъ общихъ выводовъ, хотя самъ очень цѣнилъ наблюденія и опыты. Въ своихъ изслѣдованіяхъ онъ руководился правиломъ „изъ наблюденій устанавливать теорію, чрезъ теорію исправлять наблюденія“.

„Физическія сочиненія Ломоносова любопытны и поучительны и въ наше время, ибо отличаются двумя великими достоинствами изложенія, которымъ должно учиться у Ломоносова: это, во 1-хъ, ясность пониманія, умѣніе поставить вопросъ; во 2-хъ, понятное и, вмѣстѣ съ тѣмъ, изящное изложеніе... Труды Ломоносова были скорѣе образчики трудовъ, чѣмъ труды, доведенные до конца. Но въ томъ именно обстоятельствѣ, что, несмотря на свои несовершенства, труды эти могутъ быть, по справедливости, признаны трудами самостоятельнаго мастера, въ этомъ полномъ равенствѣ перваго русскаго академика съ современными ему представителями европейской науки и заключается великое для насъ значеніе Ломоносова какъ перваго русскаго ученаго... Онъ былъ первымъ русскимъ ученымъ въ европейскомъ смыслѣ, живымъ оправданіемъ замысла Петра ввести Россію, какъ равнаго члена, въ семью европейскихъ народовъ“. *) Если придавать преобразованиямъ Петра рѣшающее значеніе, въ новомъ поворотѣ нашей гражданской и умственной жизни, то Ломоносовъ впервые далъ этимъ преобразованиямъ тотъ внутренній смыслъ, при которомъ онѣ могли стать дѣйствительно новымъ періодомъ въ развитіи русской мысли... Прочный корень науки могъ быть положенъ только тогда, когда ея содержаніе было бы принято не на вѣру, не изъ подражанія, не подъ давленіемъ чужого авторитета, а самостоятельно продумано и усвоено умомъ, способнымъ къ независимому изслѣдованію, и вошло въ его собственную природу. Въ первый разъ это сдѣлано было Ломоносовымъ и въ этомъ была его великая заслуга, залогъ обширнаго вліянія въ теченіи XVIII в. и историческое значеніе“. **)

Особый интересъ для нашихъ читателей представляютъ взгляды Ломоносова на отношенія науки къ религіи и знанія къ вѣрѣ. Они опредѣлили свое время и впору и для насъ. „Создатель, говоритъ Ломоносовъ, далъ роду человѣческому двѣ книги. Въ одной показалъ свое величество, въ другой—свою волю. Первая—видимый сей міръ, имъ созданный, чтобы человѣкъ, смотря на огромность, красоту и стройность его зданій, призналъ божественное всемогущество,

по мѣрѣ себѣ дарованнаго понятія. Вторая книга—Священное Писаніе. Въ ней показано Создателево благоволеніе къ нашему спасенію. Въ сихъ пророческихъ и апостольскихъ богодухновенныхъ книгахъ истолкователи и изъяснители суть великіе церковные учителя. А въ оной книгѣ сложенія видимаго міра сего физики, математики, астрономы и прочіе изъяснители божественныхъ въ натуру вліянныхъ дѣйствій суть таковы, каковы въ оной книгѣ пророки, апостолы и церковные учителя. Не здраво разсудителенъ математикъ, ежели онъ хочетъ божескую волю вымѣрять циркуломъ. Таковъ же и богословіи учитель, если онъ думаетъ, что на Псалтыри научиться можно астрономіи и химіи... Отношенія науки и вѣры должны быть, по Ломоносову, вполне мирныя. „Правда и вѣра суть двѣ сестры родныя, дщери одного Всевышняго Родителя, никогда между собою въ распрю придти не могутъ, развѣ кто изъ нѣкотораго тщеславія и показанія своего мудрованія на ихъ вражду всклеплетъ. А благоразумные и добрые люди должны разсматривать, нѣтъ ли какова способа къ объясненію мнимаго между ними междоусобія“. Указывая затѣмъ на Шестодневъ Василия Великаго и Богословіе Іоанна Дамаскина, въ которыхъ есть много разсужденій о явленіяхъ природы, Ломоносовъ продолжаетъ: „Такъ сіи великіе свѣтильники познаніе натуры съ вѣрою содружить старались... О, если бы тогда были изобрѣтены нынѣшнія астрономическія орудія..., если бы открыты были тысящи новыхъ звѣздъ съ новыми явленіями, какимъ бы духовнымъ пареніемъ... проповѣдали оныя святыя риторы величество, премудрость и могущество Божіе“. *)

Что же касается заслугъ Ломоносова для русской грамматики, то онѣ состоятъ въ томъ, что Ломоносовъ первый освободилъ эту науку отъ исключительнаго приложенія къ церковному дѣлу и славянскому языку и возвелъ ее въ самостоятельное знаніе. За норму русскаго языка онъ принялъ его „разсудительное употребленіе“, т. е. каждая грамматическая форма разсматривается имъ, какъ существующій фактъ, который долженъ быть объясненъ, но не можетъ быть измѣненнымъ по требованію теоріи. Кромѣ того, имъ проведены границы между русскою обычною рѣчью и церковно-славянскимъ языкомъ и указаны случаи ихъ употребленія, хотя и не всегда удачно.

Боясь наскучить читателямъ, упомянемъ еще лишь только о занятіяхъ Ломоносова по политической экономіи. Хорошо понимая нужды народа, онъ стремился къ улучшенію его быта. Этому стремленію обязана своимъ происхожденіемъ записка къ Шувалову, въ которой назна-

*) Любимовъ, „Л—въ, какъ физикъ“, стр. 189 и др.

**) Пыпинъ, стр. 491, 493.

*) Изъ „Прибавленія къ разсужденію: явленіе Венеры, на солнцѣ наблюденное“.

чены для разсмотрѣнія слѣдующіе предметы: о сохраненіи и размноженіи народа, объ истребленіи праздности, о исправленіи нравовъ и просвѣщенія и т. д. Къ сожалѣнію, до насъ дошли лишь записки „объ обязанностяхъ духовенства“ и „о размноженіи и сохраненіи російскаго народа“. Здѣсь, какъ на главныя причины умаленія народонаселенія, Ломоносовъ указываетъ: на браки крестьянъ въ слишкомъ молодые годы и безъ взаимнаго согласія, на постриженіе слишкомъ молодыхъ въ монахи, на суевѣрія, на общую безпечность русскаго человѣка и пр.

VI.

Лежа на смертномъ одрѣ, Ломоносовъ воскликнулъ: „я умираю и на смерть гляжу равнодушно; жалѣю о томъ только, чего не успѣлъ совершить для пользы наукъ, для славы отечества и академіи нашей. Къ сожалѣнію вижу, что благія мои намѣренія исчезнутъ вмѣстѣ со мною“... Онъ умеръ 4 апрѣля 1765 года.

„Поэтъ, ученый и философъ,
И другъ народа весь свой вѣкъ,—
Таковъ былъ славный Ломоносовъ,
Великій русскій человѣкъ“. *)

А. Ш.

„И здѣсь наше горе“.

Мчатся въ даль дни за днями, года смѣняются годами, а за ними, въ свою очередь, и жизнь со всѣми ея тревоженіями не стоитъ на точкѣ замерзанія, а предъявляетъ новыя и новыя требованія. Всѣ люди подлаживаются къ требованіямъ жизни и сообразно этому издаются извѣстныя правила, пользуясь которыми, можно ориентироваться, не нанося извѣстному дѣлу ущерба. Не то въ нашемъ духовномъ мірѣ: что было сотню лѣтъ тому назадъ, то и теперь безъ измѣны: по тому же типикону совершаются службы, по тому же требнику совершаются требы. Конечно, очень многое и должно оставаться такимъ какъ оно есть, — безъ измѣненія, какъ не нарушающее условій жизни. Но бываютъ случаи, когда нѣкоторыя „руководства“ не подходятъ къ условіямъ новой жизни и, какъ ни какъ, эти то „руководства“ слѣдовало-бы измѣнить.

Пользуясь любезностью редакціи Епархіальныхъ Вѣдомостей въ предоставленіи намъ, пастырямъ, свободы въ изложеніи своихъ взглядовъ, я рѣшаюсь предоставить на судъ читателей и своихъ нѣсколько строкъ.

*) Розенгеймъ, „Стихотвореніе, читанное на могилѣ Ломоносова“.

Теперь повсюду производится разверстаніе земель; люди выходятъ на волоки; села теряютъ свой привѣтливый видъ; сплоченность крестьянскихъ избъ уничтожается; скоро настанетъ день, что въ прежнемъ селѣ останутся: церковь, причтовые дома, да 5—10 крестьянскихъ избъ. Въ моемъ приходѣ движеніе на волоки началось недавно и то уже болѣе сотни семействъ вышли изъ села и поселились въ разстояніи отъ церкви въ полуверстѣ и до 12 вер. Вся „прелестъ“ волокъ даетъ себя чувствовать. Потрудись-ка въ осеннюю ночь напутствовать больного; проводи почти всю ночь на подводѣ подъ дождемъ и по грязи или въ зимнюю стужу на вьюгѣ и морозѣ; но это еще не бѣда; я ѣду подводой, хотя бы и по полуверстѣ въ часъ, но все же ѣду и мало рискую простудиться, хорошо укутавшись; я тутъ утѣшаю себя тѣмъ, что это мой прямой долгъ ѣхать (не везти же ко мнѣ еле дышащаго больного!); я знаю, что не въ правѣ отказать въ этомъ Великому Таинствѣ; я долженъ ѣхать хотя бы и далѣе 12 верстъ; иначе и быть не можетъ. Дѣло не въ этомъ. Есть другіе случаи при которыхъ и пятиверстное разстояніе можетъ свести въ могилу. Объ этомъ то я и хочу поговорить. Это погребеніе умершихъ; точнѣе выражаясь „проводы“ покойника отъ дома до кладбища.

Въ требникѣ есть прямое указаніе, что покойника должно проводить изъ дома къ мѣсту вѣчнаго упокоенія. Добро, если эти „проводы“ будутъ въ хорошую погоду и не по грязи, а, храни Боже, грязь непролазная или мятель, сугробы снѣга! Что тогда?! Сколько тутъ бываетъ риска простудиться и даже больше... послѣдовать за тѣмъ же покойникомъ! Мужичекъ не посмотритъ на это; онъ требуетъ идти „съ цехомъ“ во всякое время года и во всякую погоду, грозя въ противномъ случаѣ жалобой къ начальству; о томъ, что быть можетъ непосильный трудъ будетъ прилично вознагражденъ, я и не говорю; а если вознаградитъ, то иногда такимъ словцомъ, что уши завянутъ; это извѣстно всякому сельскому іерею! Скрѣпя сердце идешь, болѣя душой за жену, дѣтей, могущихъ остаться сиротами потому только, что мужичку хочется среди чистаго поля показать не извѣстно кому: „ось якъ я своего ридняка ховаю“! А ты, іерей Божій, рискуй забудь о себѣ и о своихъ присныхъ, пока служишь „наймытомъ“ у мужика!

Со мной въ 1909 году былъ такой случай. Какъ-то въ м. Декабрѣ приходитъ ко мнѣ прихожанинъ съ просьбой похоронить его мать. А гдѣ живешь? Въ селѣ или на волокъ? На волокъ, —не дальше версты и то будетъ много. Хорошо. Ѣду я со своимъ сослуживцемъ-діакономъ. Проѣхали отъ села версты три, а далеко ли еще? Сейчасъ будетъ хата, —тутъ за лѣсочкомъ, отвѣчаетъ возница. Я догадался, что вретъ и къ хатѣ-то еще далеко! И что же: отъ села къ хатѣ

съ версты сдѣлалось восемь верстъ (добавлю, что мужикъ вездѣ рѣдко скажетъ правду; такова натура хохла!) Пріѣхали. Скрѣпя сердце начинаемъ литію, а затѣмъ идемъ съ покойникомъ; морозъ съ вѣтромъ: идемъ сугробами снѣга, только тропинка отъ слѣдовъ хоругвеносцевъ; такъ шли верстъ шесть до трактовой дороги. Хитрый мужичекъ, дабы „попъ да дякъ“ не вздумали подѣхать, (чего съ нами ни разу не бывало въ такихъ случаяхъ) подводу оставилъ дома, а обычно сзади везутъ намогильный крестъ. Съ Божіей помощью дошли до церкви, порядочно уставши и пропотѣвши отъ ходьбы. Въ церкви какъ то стало отраднѣе; пока пропѣли погребеніе ноги отошли и стало легче. Но впереди еще двѣ версты до кладбища. Погребеніе болѣе чѣмъ съ десятиверстнымъ проводомъ кончено. На другой день нужно служить литургію (былъ воскресный день); служба идетъ вяло; что-то не по себѣ. Придя домой, слегъ въ постель и, доставивъ мужичку удовольствіе въ проводахъ, пришлось огорчить остальныхъ прихожанъ: Рождество Христово, Новый годъ, Крещеніе Господне, точнѣе говоря, всѣ праздники и дальше я былъ въ средѣ врача и фельдшера, лежа въ постели; къ сильной инфлюенціи присоединился ревматизмъ, послѣдствія коего чувствуются и по сей день.

Вотъ, что приходится испытывать при уходѣ крестьянъ на волоки! А требникъ гласитъ неизмѣнно то же самое: „вземше мощи усопшаго, отходимъ во храмъ“!...

Велико бы спасибо сказали священно церковно-служители, если бы епархіальная власть дозволила сельскому духовенству не провожать покойниковъ съ волокъ.

Мужики не считаются ни съ здоровьемъ, ни съ рискомъ требоисправителей; мужики требуютъ проводовъ не по долгу любви къ усопшему сородичу, а требуютъ по своему глупому желанію показаться предъ односельчанами: „ось якъ я ховаю свого ридняка!“

Большой-то погрѣшности въ отмѣнѣ проводовъ быть не можетъ; сколько извѣстно въ нѣкоторыхъ епархіяхъ этотъ обычай не существуетъ; нѣтъ его, на примѣръ, въ Сибири. Бываютъ случаи погребеній „безъ провода“ въ городахъ; я былъ очевидцемъ какъ въ Житомирѣ привезли къ Вильскому кладбищу покойника на извозчикѣ безъ участія кого либо изъ причта и, по отпѣваніи въ церкви, предали землѣ. Наконецъ это, проводы, покойника, и не догмать.

Многіе и многіе священно церковно-служители вознесли бы свои посильныя молитвы ко престолу Всевышняго о здравіи лицъ, сохранившихъ наше здоровье, и даже жизнь, отмѣной этого обычая хотя по отношенію къ крестьянамъ, живущимъ не въ селѣ, а на волокахъ.

ПЛАЧЪ ВДОВЫ *).

Не стало отца Николая,
Годамъ его кончился счетъ.
И плачетъ вдова молодая
Отъ муки великой впричетъ.

Страдалецъ ты мой ненаглядный,
Кормилецъ ты нашъ дорогой!
Зачѣмъ ты оставилъ несчастной
Меня горемычной вдовой?

Возьми и меня ты съ собою,
Я жить безъ тебя не могу,
Не кинь, не оставь сиротою,—
Вмѣстѣ всѣ ляжемъ въ гробу.

Возьми и малютокъ невинныхъ,—
Ты такъ ихъ при жизни любилъ,—
Избавь насъ отъ мукъ непосильныхъ,
Нести ихъ не хватить въ насъ силъ.

Живая легла бы въ могилу,
Малютки помѣха лишь мнѣ.
Гдѣ средства возьму я и силу
Ростить ихъ, спасать при нуждѣ.

Вотъ скоро пришлютъ къ намъ другого,
Изъ дома погонять метлой;
Останусь безъ хлѣба и крова
Съ несчастной своей мелкотой.

Хоть жизнь была раньше не сладость,
Съ нуждою знакомы давно;
Все жъ рѣже грозила опасность
Съ сумою стучать подъ окно.

Лишь только—что мокрый изъ бани
Пришелъ ты подъ вечеръ домой,
Подѣхалъ мужикъ къ дому пьяный
И дверь чуть не вышибъ ногой.

Настойчиво, грубо, немедля
Чтобъ ѣхать, къ тебѣ приставаль,
Старикъ расхворался съ похмѣлья,
Мигренемъ отъ водки страдалъ.

Хотѣла смягчить его чаемъ,
Чтобъ далъ хоть обсохнуть тебѣ.
„Прошенье сейчасъ накатаемъ,
Огуломъ подпишемся всѣ.“

Назавтра пришлютъ намъ другого,
Вы-жъ шляйтесь по міру съ сумой.
Не смѣешь ты мучить больного!
Садись, не то ѣду домой“.

Съ печальной улыбкой, вздыхая,
Я помню, собираясь сказаль:
„Мнѣ медлить нельзя, дорогая!
Подниметъ взаправду скандалъ...“

Не смѣемъ мы медлить въ бураны,
Подъ крышею въ ливни стоять;
Должны преходить океаны,
Стрѣлою по зову летать

Не можемъ мы вѣдать уморы,
Днемъ, ночью работать должны.—
Не то полетятъ приговоры,
Угонять въ могилу суды

Исправно и много дѣлъ разомъ
Должны выполнять по часамъ;
На землю косить однимъ глазомъ,
Другой поднимать къ небесамъ,

Стонать и безсилить безъ пищи,
Отъ жажды не смѣемъ, слабѣть.
То право и дѣло сферъ высшихъ,
Мы-жъ молча должны все терпѣть

Доволенъ будь бранью за требы,
И ею какъ хочешь кормись;
Не то на монаховъ печь хлѣбы
Спроводятъ на цѣлую жизнь.

Насмѣшка-ли тутъ, или скупость —
Безъ корма работать волу?
Не въ силу такую премудрость
Постигнуть простому уму..

Желающимъ всѣмъ въ поруганье
Отдали несчастныхъ поповъ.
Отвсюду одно понуканье,
Защиты, покрова ни въ комъ...

Въ правахъ человѣка повсюду
Приказано намъ отказать:
Спасенье Россіи отсюда
Должно, говорятъ, возсіять“.

На сани ты сѣлъ съ полупьянымъ
Мятелью весь путь занесло.
И съ словомъ тотъ браннымъ
Стегнулъ лошаденку такъ зло.

На полѣ онъ сбился съ дороги,
Въ сугробѣ свалилъ сѣдока:
Обмерзли всѣ руки и ноги,
До боли остыли бока.

Лишь къ свѣту домой отыскался
И легъ на постелю больной.
Недѣлю страдалъ и скончался, —
Оставилъ меня сиротой.

Приходъ расплатился честь честью —
Безъ время жизнь отнялъ за трудъ;
И мало смутился онъ вѣстью,
Что пастырь ихъ палъ отъ ихъ рукъ.

Утѣшился онъ съ разсужденья,
Что мигомъ другого пришлютъ;
Забылъ про меня и мученья,
Какія сироты несутъ.

И смолка вдовица въ печали,
Повытекли слезы изъ глазъ,
Малютки пить, ѣсть запищали,
А хлѣба осталось на разъ.

Добавлю еще, дорогая,
Я къ пѣснѣ печальной твоей,
Что станешь ты жить голодая
И грѣя дыханьемъ дѣтей.

Отъ голода, холода, муки
Твой скоро окончится путь:
Безъ время опустятся руки,
Остынетъ изсохшая грудь.

И въ скорби, тоскѣ не сказанной
Окончишь ты съ жизнью борьбу
За дѣтокъ, ихъ жребій печальный,
Грядущую въ жизни судьбу.

Повѣдай-же Богу всѣ муки,
Печали, страданья твои,
Проси, чтобы дѣти, иль внуки
Увидѣли лучшіе дни.

Иль нѣтъ переменны той доли,
Какую судьба намъ дала:
Безъ права всегда и безъ воли
Предъ всѣми быть въ роли вола.

Не ѣвши, шатаясь, трудиться,
Иль развѣ за жалкій пятакъ;
За малость съ судами возиться,
Подъ старость глотать свой кулакъ.

Задумайтесь вы хоть немного,
Кто вѣдаетъ нашей судьбой,
И станьте, васъ молимъ, за Бога—
Смягчите нашъ жребій земной.

Внесите хоть часть сожалѣнья
Въ свои вы сердца и суды,
Участья, любви и прощенья,
Отъ мукъ насъ спасите, нужды.

Несемъ мы по совѣсти, силамъ
И разуму службу въ тиши,
И, темнымъ подобно могиламъ,
Скрываемъ всѣ муки души.

Вамъ въ жалобахъ видна копѣйка,
По службѣ какой недочетъ;
Но скрыта та лютая змѣйка,
Какая намъ сердце сосетъ.

Какая насъ съ мукой большою
Толкнула на эту напасть,
Кругомъ насъ сдавила нуждою,
Насильно втянула насъ въ пасть.

Вѣдь барство отъ церкви отпало,
Что пастырь холопомъ ихъ былъ;
Черезъ это имъ гордость мѣшала,
Чтобъ вѣрѣ ихъ, жизни училъ.

Погибнуть и прочія сферы,
Отъ пастыря прочь отбѣгутъ,
Коль маятникъ этотъ ихъ вѣры
Дугою весь будетъ согнутъ.

Не пастырь чрезъ это владѣеть
Душою прихода, умою,—
Приходъ надъ отцомъ власть имѣеть.
Ведеть за собой подъ ярмомъ.

Не хочешь идти, такъ съ прошеньемъ
Къ начальству сейчасъ же махнуть,
Голоднымъ притиснуть мученьемъ,
Судами въ могилу сведуть.

Начальство хотъ просьбѣ не радо,
Но пишеть въ угоду указъ:
„За не ослабѣлъ онъ отъ глада,
И это не въ первый ужъ разъ“...

Священникъ **Михаиль Чистяковъ.**

ОТКЛИКИ.

Почему плохо платятъ?

Вопросъ этотъ вытекаетъ изъ статьи сельскаго священника, помѣщенной въ № 40 „Епар. Вѣд.“. О. корреспондентъ, какъ справедливо замѣчаетъ въ „Бесѣдѣ“ о. Митрофанъ, сильно „сгустилъ краски“. Но дѣло не въ этомъ. Крестьяне дѣйствительно плохо оплачиваютъ трудъ приходскаго священника. Почему? Я бы желалъ дать посильный отвѣтъ на этотъ вопросъ. Собственно говоря, отвѣтъ давно уже данъ, причемъ одни винятъ само духовенство, другіе народъ. По моему мнѣнію, винить никого изъ нихъ не слѣдуетъ. Случилось то, что должно было случиться.

Мы, духовенство, никакъ не хотимъ понять, что народъ пережилъ дѣтскій возрастъ своего развитія и вступилъ въ возрастъ юношескій,—въ возрастъ, когда умъ человѣческой становится болѣе пытливымъ. Прошла та пора, когда простые сельскіе жители довольствовались одною сердечною вѣрою: теперь они желаютъ постигнуть истину вѣры не сердцемъ только, но и умомъ, и этого желанія нельзя замѣнить и заглушить ни торжественностью богослуженія, ни гуманностью обхожденія, ни безкорыстностью и т. д. Жажда религіознаго знанія весьма велика въ народѣ и онъ требуетъ ея удовлетворенія. Мы же остаемся по прежнему холодными требоисправителями. Такой трудъ оцѣнивается не высоко, оттого и оплачивается скудно. Крестьянинъ, получающій за поденную работу 30—50 коп., совершенно естественно задаетъ вопросъ: почему часовой трудъ другого, трудъ сравнительно болѣе легкій, долженъ цѣниться въ 2—3 руб.?

Есть еще другая не менѣ важная, причина, которая не позволяетъ крестьянину быть „щедрымъ“. Причина эта—бѣдность. Народъ въ послѣднее время сильно обѣднѣлъ; нуждаясь самъ въ хлѣбѣ насущномъ, онъ уже не можетъ по прежнему оплачивать изъ своихъ скудныхъ средствъ.

Раньше, когда народъ менѣ разсуждалъ и менѣ испытывалъ нужду матеріальную, платилъ больше; нынѣ народъ размножился, обѣднѣлъ и въ тоже время сталъ разсуждать и пришелъ къ тому заключенію, что всѣ необходимыя требы и таинства должны совершаться бесплатно.

О другихъ, болѣе глубже коренящихся въ невѣжественномъ народѣ причинахъ, объясняющихъ его неблагодарность, поговоримъ, если сумѣемъ, въ другой разъ.

Луцкій іерей.

ХРОНИКА.

Злодѣйское покушеніе на Архіепископа Антонія.

31-го октября съ утра по Житомиру распространилась вѣсть о злодѣйскомъ покушеніи на Архіепископа Антонія. Вѣсть эта потрясла до глубины души православную Житомирскую паству. Многіе начали обращаться за справками въ канцелярію Владыки и въ редакцію „Жизни Воыни“. Последнею были получены и опубликованы слѣдующія телеграммы изъ Петербурга:

(Отъ собств. корреспонд.).

Большое возмущеніе во всѣхъ слояхъ столицы вызвало покушеніе на жизнь высокочтимаго православнымъ народомъ Архіепископа Воынскаго Антонія, совершенное 30 го окт. вечеромъ, во время богослуженія въ подворьѣ Почаевской лавры.

Когда Владыка, при общемъ благоговѣнномъ настроеніи подошелъ съ кадиломъ къ иконѣ Божіей Матери, нѣкій Трифоновъ, бывшій воспитанникъ Якутской семинаріи, неоднократно пользовавшійся милостями и благодѣянiami Владыки, попытался ударить его кинжаломъ въ спину. Рука негодяя была схвачена однимъ богомольцемъ. Кинжалъ скользнулъ по плечу Архіепископа и легко ранилъ его въ лѣвую руку. Возбужденная публика расправилась-бы съ Трифоновымъ, но Владыка не прервалъ богослуженія и это сдержало порывы.

Потомъ, послѣ перевязки въ алтарѣ, Преосвященный Антоній обратился къ народу съ успокоительнымъ словомъ. Между прочимъ, Владыка сказалъ: „Покушавшійся на мою жизнь—одна изъ многихъ жертвъ наущенія дьявола, отъ коихъ рѣдко кто защищенъ. Онъ рѣшился на ужасное дѣло, вѣроятно, не безъ участія другихъ лицъ, которымъ мѣшаетъ моя жизнь“.

Этотъ-же Трифоновъ произвелъ весной на шумѣвшее тогда покушеніе на ревизовавшаго Житомирскую семинарію Рункевича, былъ заключенъ подѣ стражу, затѣмъ, освобожденъ подѣ поручительство и переѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ поступилъ по вольному найму на акцизную службу.

ПЕТЕРБУРГЪ. Покушеніе на жизнь Архіепископа Антонія взволновало думу Фракціи націоналистовъ и правыхъ послали Владыкѣ сочувственныя телеграммы. Текстъ телеграммы націоналистовъ:

„Глубоко возмущенные кощунственно злодѣйскимъ преступленіемъ, душою радуемся заступничеству Пречистой, сохранившему самоотверженную жизнь вашего святого первосвященства въ прославленіе вѣры православной и на благо народности русской“.

Кромѣ того, Владыку посѣтили и принесли поздравленія члены думы Бѣляевъ и Шульгинъ 2-й. Посѣтившіе Владыку рассказываютъ, что нашли Архіепископа совершенно спокойнымъ и веселымъ. Владыка принималъ одного за другимъ безконечное число посѣтителей, явившихся выразить сочувствіе. Между прочимъ, Владыка обратилъ вниманіе, что нѣкоторыя газеты назвали Трифопова Житомирскимъ семинаристомъ — это невѣрно — Трифоновъ былъ выгнанъ изъ Якутской семинаріи, затѣмъ былъ въ Казанской академіи, откуда также изгнанъ и наконецъ, явился въ Житомиръ, прося пристроить. Владыка пріютилъ его, но Трифоновъ вскорѣ замыслилъ и началъ осуществлять покушеніе на Рункевича, члена учебнаго комитета, ревизовавшаго духовно-учебнаго заведенія Волынской губерніи. Тогда Трифоновъ былъ арестованъ, но выпущенъ черезъ два мѣсяца. Послѣ этого Владыка иногда видѣлъ его въ соборѣ, но больше не имѣлъ съ нимъ никакихъ сношеній. Причина, толкнувшая Трифопова на безумное дѣло, совершенно непонятна. Личной злобы быть не можетъ: онъ или боленъ душевно или подосланъ политическими врагами епископа.

(Отъ С.-Петербур. тел. агентства).

ПЕТЕРБУРГЪ. Вечеромъ 30 октября въ домовой церкви на Васильевскомъ островѣ на Архіепископа Антонія, во время богослуженія набросился бывший семинаристъ Николай Трифоновъ и хотѣлъ ударить Владыку кинжаломъ въ шею, но былъ схваченъ богомольцами. Злоумышленникъ все же причинилъ царапину на рукѣ. Архіепископъ взшелъ на амвонъ и сказалъ успокоительное слово богомольцамъ.

Трифоновъ сознался, что хотѣлъ убить Архіепископа. Причинъ не указалъ.

Дознаніемъ выяснено, что годъ тому назадъ злодѣй просилъ у Преосвященнаго содѣйствовать поступленію въ Казанскую академію, что Архіепископъ и сдѣлалъ, но Трифоновъ запыль и въ академію не поступилъ, а былъ потомъ учителемъ въ

Житомирѣ, *) гдѣ покушался на ревизовавшаго чиновника Рункевича, былъ арестованъ и освобожденъ на поруки.

Трифоновъ отведенъ въ домъ предварительнаго заключенія.

По полученіи извѣстій объ избавленіи Владыки отъ грозившей ему опасности въ Крестовой Архіерейской Церкви Преосвященнѣйшимъ Епископомъ Гаврииломъ въ сослуженіи городского и монашествующаго духовенства было совершено торжественное благодарственное молебствіе. Такія же молебствія были совершены въ духовной семинаріи и др. уч. заведеніяхъ. Владыкѣ посланъ рядъ сочувственныхъ телеграммъ. Несомнѣнно, что извѣстіе о злодѣйскомъ покушеніи на нашего любимаго Архипастыря съ болью отзовется въ сердцахъ духовенства епархіи, а вѣсть объ избавленіи его отъ опасности вызоветъ чувство самой восторженной благодарности къ Великой Заступницѣ Рода христіанскаго, Которая уже неоднократно спасаетъ всѣхъ, съ вѣрою поклоняющихся предъ Святою Ея иконою, на Св. Горѣ Почаевской Прославленной.

ПО ЕПАРХІИ.

I.

Миссіонерскіе курсы въ Почаевѣ. По примѣру прошлыхъ лѣтъ съ 11 по 20 октября сего года въ Почаевѣ происходили миссіонерскіе курсы. Лекторами на курсахъ были—Преосвященнѣйшій епископъ Ѳаддей и епархіальный миссіонеръ архимандритъ Митрофанъ; слушателями являлись—священники, учителя ц.-пр. школъ и дополнительный классъ при Почаевской второклассной школѣ, всего слушателей было свыше 50-ти чело-вѣкъ. Занятія на курсахъ происходили утромъ и вечеромъ. Утромъ курсисты слушали лекціи, а вечеромъ устраивали примѣрныя собесѣдованія. Утреннія занятія происходили въ больничной Лаврской Церкви, а вечернія—во второклассной школѣ. Предметомъ занятій было: о преподаваніи Закона Божія въ начальной школѣ (Преосв. Еп. Ѳаддей) и обличеніе католичества и сектантства—штундизма (арх. Митрофанъ). Всѣмъ курсистамъ были розданы Библии. По этимъ библиямъ слушатели находили тексты, приводимые сектантами отмѣчали ихъ, дѣлали соотвѣтствующія указанія и знакомились съ разборомъ. Отношеніе курсистовъ къ занятіямъ было самое внимательное. Да это

*) Учителемъ Трифоновъ не былъ, а былъ лишь назначенъ въ одно село близъ Житомира, но къ мѣсту службы не успѣлъ явиться, какъ совершилъ покушеніе на г. ревизора Рункевича.

и понятно. Здѣсь лекторы въ большинствѣ имѣли дѣло не съ малолѣтними учениками, а со взрослыми людьми, желающими серьезно и добросовѣстно отнестись къ своему дѣлу. Впрочемъ и малыши (дополнительный классъ второклассной школы) не только не отставали, а даже превосходили своимъ усердіемъ взрослыхъ. Эти, какъ называли ихъ въ шутку, „потѣшные миссіонеры“ производили необыкновенно симпатичное впечатлѣніе своимъ воодушевленнымъ, внимательнымъ и толковымъ отношеніемъ къ дѣлу. Особенно интересно и оживленно происходили вечернія примѣрныя собесѣдованія. На каждомъ такомъ собесѣдованіи одинъ изъ учителей приводилъ сектантскія возраженія, а кто-либо изъ священниковъ дѣлалъ ихъ подробный разборъ. Цѣль бесѣды—создать картину публичнаго состязанія съ сектантами, что, благодаря старанію участниковъ, удавалось вполне. Бесѣды примѣрныя были: о св. іерархіи, о св. Преданіи, о почитаніи св. иконъ, св. креста, о св. таинствахъ, о молитвахъ за умершихъ, о почитаніи св. угодниковъ, о храмахъ и о постахъ. Разумѣется примѣрныя бесѣды обнаружили весьма хорошія миссіонерскія способности, какъ у нѣкоторыхъ священниковъ, такъ и у учителей. Въ заключеніе уже по разѣздѣ курсистовъ провели примѣрную бесѣду о св. Преданіи и „потѣшные“ и, кажется, еще съ большимъ воодушевленіемъ, чѣмъ взрослые. О Митрофанъ являлся руководителемъ примѣрныхъ бесѣдъ и каждый разъ подвергалъ ихъ подробному разбору. Всѣ участники курсовъ жили въ номерахъ лаврской гостиницы, гдѣ получали чай, завтракъ и ужинъ, а обѣдали въ монастырской столовой. Высокопреосвященнѣйшій Архіепископъ Антоній не оставлялъ курсы своимъ вниманіемъ. Въ день открытія курсовъ Владыка привѣтствовалъ Преосвященнѣйшаго Ѳаддея слѣдующей телеграммой: „Господь да благословитъ трудъ миссіонерскаго сѣзда! Спасибо всѣмъ трудящимся и сочувствующимъ“ Въ день окончанія курсовъ Владыка также не забылъ о нихъ и прислалъ на имя Преосвященнѣйшаго Ѳаддея слѣдующую телеграмму: „Братское спасибо вамъ, отцу Митрофану, всѣмъ потрудившимся на курсахъ, благословеніе!“

II.

10 сентября въ Свято-Владимірской второклассной школѣ.

(Изъ г. Владимірѣ-Волынска).

10 сентября—день знаменательный въ жизни Свято-Владимірской второклассной школы. Въ этотъ день школу удостоили своимъ посѣщеніемъ столь рѣдкіе и дорогіе гости: г. оберъ-прокуроръ Св. Синода Владиміръ Карловичъ Саблеръ и Высокопреосвященнѣйшій Антоній, Архіепископъ Волынской. Всякое событіе, выходящее изъ ряда обыкновенныхъ, какъ то особенно живо чувствует-

ся въ школѣ, въ этой дружной молодой семьѣ, среди воспримчивыхъ юныхъ сердецъ. Стоило пройти наканунѣ этого дня по школѣ и мимо воли должно было залюбоваться картиной всеобщаго подъема духа. На всѣхъ лицахъ читается ожиданіе чего то великаго, радостнаго, всѣ лица отражаютъ любопытство и все это такъ неподдѣльно, такъ искренно, какъ только можетъ быть искренно въ школѣ среди дѣтей.

Настало утро этого знаменательнаго дня. Ученики ожидали дорогихъ посѣтителей въ залѣ, выстроившись въ два ряда отъ входныхъ дверей, а пѣвчіе стали отдѣльно.

Бѣгутъ минуты, которыя кажутся такими длинными—длинными. Слышенъ звонъ колоколовъ, возвѣщающій о прибытіи высокопоставленныхъ посѣтителей, и всѣ взоры обращены къ входнымъ дверямъ. Нѣтъ мѣста обычной живости, всѣ обратились въ ожиданіе. И вотъ такъ долгожданное совершилось: при пѣніи тропаря Богородицѣ высокопоставленные гости вошли въ залъ въ сопровожденіи Преосвященнѣйшаго Ѳаддея, Епископа Владимірволынскаго о. настоятеля Владимірскаго собора протоіерея Андреевскаго и городского головы. Встрѣтилъ ихъ горячимъ и искреннимъ привѣтствіемъ о. епархіальный наблюдатель священникъ Ѳеодоръ Казанскій. Слова его привѣтствія казались не были выраженіемъ его личнаго чувства, они исходили изъ сердца всѣхъ присутствующихъ, они читались на каждомъ лицѣ.

„Учащіе и учащіеся Св. Владимірской школы, такъ началъ свою рѣчь о. наблюдатель, рады видѣть у себя Васъ, Ваше Высокопревосходительство! Они осчастливленные Вашимъ благосклоннымъ вниманіемъ и Вашимъ посѣщеніемъ, привѣтствуютъ Васъ какъ дорогаго начальника и гостя и выражаютъ Вамъ свою глубокую благодарность какъ главному возсоздателю и покровителю вотъ этого разсадника просвѣщенія, который не забывается Вами и доселѣ. Не преувеличимъ если скажемъ, что мы видимъ предъ собою въ лицѣ Васъ, Ваше Высокопревосходительство, не только начальника, но и отца—этой школы. Основанная Вашими заботами въ древнемъ „замочкѣ“ подъ сѣнію Мстиславова храма, хранящая промысломъ Божиимъ и св. покровителемъ ея равноапостольнымъ княземъ Владиміромъ—св. Владимірская школа, какъ яркая свѣча льетъ свѣтъ Божій по многимъ всямъ нашего края. Дѣти охотно идутъ въ эту школу, охотно учатся, трудятся, славословятъ Бога въ храмѣ Мстислава и вмѣстѣ съ уважаемѣйшимъ здѣсь Преосвященнѣйшимъ Ѳаддемъ возносятъ Господу молитвы за здравіе и долгоденствіе школьныхъ покровителей и ихъ радѣтелей. И зная Васъ, Ваше Высокопревосходительство, раньше лишь заочно, теперъ питомцы эти на яву будутъ представлять Васъ и будутъ возносить еще болѣе горячую молитву къ Богу о здравіи и долгоден-

ствіи Вашемъ на пользу школы церковной и Руси православной.

Позвольте и Васъ, Ваше Высокопреосвященство и Ваше Преосвященство, привѣтствовать здѣсь какъ дорогихъ архипастырей Волынскихъ и дорогихъ гостей нашихъ и заботливыхъ начальниковъ. Ваши вниманіе и труды для школы нами не забыты и не забываются. Ваши дорогіе для насъ портреты также украшаютъ нашу школу и напоминаютъ всегда о Васъ, возбуждаютъ въ душѣ нашей самую искреннюю и благодарную чувства, чувства связанная съ преданностью Вамъ. Съ этими чувствами и сейчасъ мы встрѣчаемъ Васъ.

Войдите Владыка святой и благословите всѣхъ насъ, а Вы, Ваше Высокопревосходительство, не оставьте насъ своею великою милостью—побывать здѣсь и побесѣдовать съ радостными учащими и учащимися“.

Въ заключеніе своей рѣчи о. епархіальный наблюдатель просилъ Его Высокопревосходительство принять на память о посѣщеніи школы и въ знакъ искренней и сердечной любви къ нему, возсоздателю и покровителю школы, образъ Св. Владиміра, поднесенный отъ лицъ всей школы о. завѣдующимъ—іеромон. Іосифомъ, къ которому Его Высокопревосходительство благоговѣнно приложился и въ память объ Овручскихъ торжествахъ—альбомъ Овручскихъ видовъ и художественный рисунокъ Овручскаго св. Васильевскаго собора. Его Высокопревосходительство очень интересовался видами Овручскихъ торжествъ и съ удовольствіемъ слушалъ поясненія къ рисункамъ. Пѣвчіе пропѣли тропарь св. Владиміру, Догматикъ третьяго гл. и гимнъ союза русскаго народа, на исполненіе котораго Его Высокопревосходительство обратилъ особенное свое вниманіе.

Здѣсь необходимо еще отмѣтить ту простоту, ту сердечность и ласку, съ которыми Его Высокопревосходительство обращался къ дѣтямъ. Онъ разрѣшилъ имъ собраться въ кружокъ возлѣ него, ласково бесѣдовалъ съ ними, интересовался ихъ жизнью и такая нѣжность и любовь къ дѣтямъ выражались во всемъ обращеніи Его Высокопревосходительства, что дѣти сразу будто почувствовали всю его доброту, оцѣнили все вниманіе и съ любовью окружили его, какъ дѣти отца. Слово, сказанное Его Высокопревосходительствомъ, еще больше поселило въ ихъ увѣренность, что они видятъ предъ собой человѣка, отзывчиваго на нужды духовнаго просвѣщенія. Это слово установило еще болѣе тѣсную связь между міркомъ, создавшимся въ душѣ у cadaго изъ питомцевъ школы и Его Высокопревосходительствомъ. Выразивъ горячую благодарность за теплую и сердечную встрѣчу, Его Высокопревосходительство обратился къ дѣтямъ: онъ поднималъ ихъ энергію, указавъ имъ тѣ высокія цѣли и задачи, которыя должны они преслѣдовать въ своей

жизни. Онъ указалъ имъ тѣ пути и средства, которыми они должны идти къ совершенству, имѣя въ виду нести свѣтъ въ темныя массы. Онъ обратилъ ихъ сердца къ высшему совершенству, заповѣдая всегда черпать изъ сего неизсякаемаго источника, онъ указывалъ на тѣ разочарованія, которыя могутъ ихъ встрѣтить въ жизни, онъ предостерегалъ ихъ отъ злыхъ людей, готовыхъ всегда погубить доброе дѣло. Наконецъ, онъ совѣтовалъ во всѣхъ случаяхъ жизни прежде всего искать утѣшенія въ молитвѣ. Душа человѣка, говорилъ Его Высокопревосходительство, по природѣ христіанка, въ особенности душа русскаго человѣка, искони преданнаго православію, искони видѣвшаго въ этомъ залогъ духовнаго совершенства и связаннаго съ этимъ духовнаго величія народа и величія родины.

Какъ понятна была его рѣчь, какъ глубоко она запала въ сердца дѣтей, вышедшихъ изъ той же массы народа и потому глубоко чувствующихъ его душу и искренне стремящихся приложить въ будущемъ и свои усилія, чтобы знести духовный свѣтъ въ эту среду, укрѣпить тѣ духовныя начала, которыя искони были звеномъ, связующимъ наше государственное бытіе, создающимъ могущество и силу русскаго народа. Его Высокопревосходительство осмотрѣлъ далѣе классныя помѣщенія, ученическія спальни, кухню и вездѣ проявлялъ тоже вниманіе, вездѣ проявлялъ заботливость объ улучшеніи своего дѣтища—школы, обѣщая въ будущемъ построить лучшее зданіе и усилить курсъ обученія, прибавивъ еще одинъ дополнительный классъ.

Отрадно было видѣть это выраженіе заботы и вниманія, сильно чувствовалась какая то особая мощь будто вдругъ выросли крылья и унесли васъ въ міръ грезъ. И такъ хотѣлось думать, такъ хотѣлось вѣрить, что эта греза—станетъ дѣйствительностью и что эти дѣти, выросши и окрѣпнувъ подъ сѣнью школы, имѣющей такихъ высокихъ покровителей, пріобрѣтутъ въ ней необходимые знанія—поведутъ и народныя массы къ тому же свѣту, употребятъ всѣ усилія, чтобы будущее этого народа было столь же свѣтлымъ и яснымъ, какъ и его прошлое и въ тоже время болѣе сознательнымъ. Рѣдко бывають въ школьной жизни праздники, но этотъ день былъ изъ праздниковъ праздникомъ и о немъ мало сказать или написать: лучшее представленіе о немъ можно было составить, читая въ сердцахъ питомцевъ школы, глядя на ихъ улыбающіяся, жизнерадостныя лица.

Его Высокопревосходительство посѣтилъ и Зимненскую второклассную школу и въ тотъ же день уѣхалъ съ вечернимъ поѣздомъ, провожаемый благословеніями и лучшими пожеланіями всѣхъ, собравшихся его провожать. Да, поистинѣ былъ знаменательный день!

Учитель школы.

ПЕЧАТЬ.

Въ настоящій разъ отдѣлъ „Печати“ посвятимъ католичеству. А. Волянецъ помѣстилъ въ „Кіевлянинѣ“ статью „О православіи въ Польшѣ“. Въ виду того, что приходскимъ пастырямъ нашего края приходится не мало бесѣдовать съ католиками на эту тему, приведемъ означенную статью полностью.

„Какъ и всѣ славянскіе народы, поляки были первоначально православными, получивъ крещеніе по восточному обряду отъ св. первоучителя славянскаго Меѳодія. Православіе было первой христіанской вѣрой, принятой поляками изъ Моравіи. Хотя политиканствующіе польскіе интеллигенты тщательно стараются скрыть это обстоятельство отъ своей меньшей братіи (поучая ее, что католичество есть неотъемлемое достояніе польскаго народа, не знавшаго якобы, послѣ язычества, никакой другой вѣры), а многіе политиканствующіе польскіе историки совершенно замалчиваютъ его въ своихъ „ученыхъ“ трудахъ, польско-католическое же духовенство старательно уничтожало всякіе акты и вообще слѣды, свидѣтельствующіе о польскомъ православіи,—но въ настоящее время фактъ этотъ вполне прочно установленъ научно (по уцѣлѣвшимъ архивнымъ документамъ), притомъ не только русскими, но и многими польскими историками и учеными. „Вопросъ о томъ,—говоритъ профессоръ В. Есиповъ,—что въ древней польшѣ былъ періодъ, когда богослуженіе отправлялось по славянскому обряду и на славянскомъ языкѣ, можетъ считаться вопросомъ давно рѣшеннымъ. Такіе выдающіеся историки церкви, какъ кардиналъ Бароніусъ (1603 г.) и въ особенности такіе почтенные богословы, какъ епископъ Премысльскій Пясецкій (1645 г.), говорятъ объ этомъ, какъ о фактѣ, не допускающемъ никакихъ сомнѣній. Въ этомъ же смыслѣ высказался въ 1906 году и докторъ Кидричъ („Die Slavische Liturgie in Polen). А изъ нашихъ русскихъ ученыхъ такимъ же образомъ высказался не столь давно (1906 г.) А. И. Соболевскій („Родина Кіевскихъ отрывковъ“).

Въ упомянутомъ трудѣ доктора Кидрича читаемъ: „Еще Матвѣй изъ Мѣхова въ своей хроникѣ, появившейся въ 1519 году, высказалъ заключеніе о томъ, что славянское богослуженіе удержалось въ Краковской церкви Святого Креста со временъ славянскихъ апостоловъ (Кирилла и Меѳодія) до его дней. Сто лѣтъ спустя Павелъ Пясецкій утверждалъ, что поляки, по ненависти ко всему нѣмецкому, восприняли и христіанство отъ восточныхъ грековъ черезъ св. Кирилла и Меѳодія. Съ тѣхъ поръ возрѣніе о суще-

ствованіи славянскаго обряда въ Польшѣ нашло себѣ ревностныхъ защитниковъ въ лицѣ Фризе, Андрея Венгерскаго, Мацѣевскаго, Красинскаго, Бѣлевскаго, Лелевеля, Малецкаго, Левицкаго, Шуйскаго, Легеря, Петрушевича, Бучиса, Гумиловича и др.“.

Извѣстный польскій историкъ Мацѣевскій (наименѣ тенденціозный и наиболѣе безпристрастный изъ всѣхъ польскихъ историковъ) говоритъ по тому-же поводу хотя и кратко, но вполне опредѣленно: „Христіанство въ Польшѣ получило начало изъ Моравіи и изъ дѣятельности св. Меѳодія. Меѳодій имѣлъ архіепископскую кафедру въ Велеградѣ, при которой въ ту пору было не менѣ трехъ викарныхъ епископовъ; въ Силезіи и малой Польшѣ существовало греко-славянское исповѣданіе, дѣлами котораго завѣдывали священники Меѳодіевской епархіи“. Затѣмъ на основаніи свидѣтельствъ Галла, Дитмара и другихъ современныхъ польскихъ лѣтописцевъ, Мацѣевскимъ устанавливается: 1) что польскій король Мечиславъ былъ христіаниномъ еще до вступленія въ бракъ съ Домбровкой; 2) что онъ принялъ крещеніе въ Прагѣ въ 965 году по обряду греческой православной церкви; 3) что вмѣстѣ съ Домбровкой въ Польшу прибыло и богемское православное духовенство,—и 4) что послѣ 965 года греко-славянское исповѣданіе было единственнымъ въ Польшѣ до Гнѣзненскаго трактата. Наконецъ, Мацѣевскимъ же, а также Булинскимъ установлено, что отъ низшаго клира требовалось знаніе языка мѣстнаго населенія, что при богослуженіи нигдѣ въ древней Польшѣ не употреблялась музыка, и что таинство крещенія и причащенія совершалось по обряду православной церкви.

Павелъ Пясецкій, католическій епископъ, извѣстный польскій историкъ церкви, въ своей книгѣ „Chronica“, вышедшей въ Краковѣ въ 1645 году, говоритъ (стр. 41): „Польша и все славянство съ ужасомъ отстраняются отъ ученія и искусства нѣмцевъ (католиковъ) и считаютъ для себя вреднымъ и отбрасываютъ какъ подозрительное, все, что исходитъ отъ нихъ. Вслѣдствіе чего и христіанскую вѣру не хотѣли поляки принять отъ нѣмцевъ, а научились ей отъ восточныхъ грековъ—святыхъ Кирилла и Меѳодія“.

То-же свидѣлствуетъ извѣстный польскій славистъ Бѣлонскій. „Учениками Меѳодія,—говоритъ онъ,—были принесены къ намъ первые славянскіе памятники старо-славянскаго языка, писанные той азбукой, какую видимъ на деньгахъ Болеслава Храбраго. Славянскій языкъ, на которомъ совершалось у насъ богослуженіе, считался въ тѣ времена языкомъ отечественнымъ“.

Особенно не терпимо въ этомъ отноше-
ніи католическое духовенство, усердіемъ ко-
торого уничтожались всѣ слѣды православія
въ древней Польшѣ и благодаря которому
этотъ безспорный нынѣ фактъ не могъ быть
установленъ положительнымъ образомъ до
открытія (въ половинѣ прошлаго столѣтія)
уцѣлѣвшихъ западныхъ архивовъ. Но имѣют-
ся подтвержденія этого факта въ свидѣтель-
ствахъ даже и представителей польско като-
лическаго духовенства. Такъ, ксендзь Сеп-
ковскій удостовѣряетъ самымъ положитель-
нымъ образомъ: 1) что духовенству греко-
славянскаго исповѣданія принадлежали въ
Польшѣ многія церкви и монастыри до поло-
вины XIII вѣка;—и 2) что въ костелахъ Чме-
лева и Казимира подъ Вислой литургія со-
вершалась по греческому обряду. А ксендзь-
каноникъ Стрѣлецкій свидѣтельствуемъ, что
въ древнихъ краковскихъ богослужебныхъ
книгахъ епископы назывались по гречески—
владыками.

Даже ксендзь Щеснякъ, выступившій
(шесть лѣтъ тому назадъ) съ цѣлымъ тра-
ктатомъ въ „опроверженіе“ первоначальнаго
православія Польши, все же признаетъ, что
„Малая Польша входила въ составъ епархіи
святого Меѳодія“.

Въ дѣйствительности, не Малая только,
а вся Польша, съ IX вѣка начавшая обра-
щаться изъ языческой страны въ восточно-
христианскую, входила въ составъ обширной
епархіи святого Меѳодія, отъ котораго полу-
чила святое крещеніе, и имѣла въ X вѣкѣ
свою православную іерархію: двухъ архіепис-
коповъ (въ Гнѣзнѣ и Краковѣ) и шесть
епископовъ (въ Познани, Смогоржевѣ, Кру-
вицѣ, Плоцкѣ, Каминѣ и Любушѣ). Въ Гнѣз-
нѣ, по свидѣтельству Домалевица, не очень
давно еще имѣлась старинная, относящаяся
къ XII вѣку, митрополитанская каѳедрa, укра-
шенная московскою живописью. Крестясь изъ
язычества въ православіе, поляки, какъ и
прочіе славяне, славили Бога на родномъ
своемъ языкѣ, пріобщались къ обще-славян-
ской культурѣ и жили обще-славянской
жизнью. Князья польскіе также были право-
славные (Мѣшко, Попель, Земовитъ, Земо-
мысль, Мечиславъ I).

Но въ концѣ X столѣтія, въ княженіе
Мечислава I случилось событіе, круто измѣ-
нившее весь складъ польской религіозной
и политической жизни; въ угоду нѣмецкому
императору Оттону II, Мечиславъ I измѣнилъ
православію и, принявъ латинство, женился
на католической монахинѣ. При ближайшемъ
преемникѣ Мечислава—Болеславѣ Храбромъ,
православіе подвергается уже въ Польшѣ

всякимъ гоненіямъ и вытѣсняется, уступая
мѣсто римскому католицизму.

Однако, народъ польскій весьма враждеб-
но отнесся къ католицизму, воспринятому
верхними классами; возмущенный гоненіями
православія и насильственнымъ насажденіемъ
католицизма, онъ въ 1025 году, воспользо-
вавшись внезапной смертью Болеслава I (Хра-
раго), открыто возсталъ противъ католиче-
скаго духовенства и покровительствовавшихъ
ему вельможъ. По свидѣтельству польскаго
лѣтописца Галла (а также и нашего Несто-
ра), во время этого мятежа „было много по-
битыхъ камнями и усѣченныхъ мечемъ“.
Взрывъ народнаго протеста, конечно, не оста-
новилъ латинизаціи славянской страны, осно-
вательно уже опутанной сверху папствомъ.
При сынѣ и преемникѣ Болеслава I—Мечи-
славѣ II искорененіе православія и насажде-
ніе католицизма продолжалось, что вызвало,
какъ свидѣлствуютъ Галль и Крамеръ, вто-
ричный мятежный протестъ со стороны поль-
скаго народа, не желавшаго измѣнять вѣру,
полученную изъ Моравіи. Но это вызвало
лишь вторичную жестокою расправу съ на-
родомъ вельможъ, руководимыхъ агентами
Рима. Начиная съ Болеслава II (1058—1102
г.г.) о православіи среди поляковъ уже ниче-
го неизвѣстно: Польша становится страной ка-
толической и въ ней старательно уничтожа-
ются всякіе слѣды православія. Но, несмотря
на это и понынѣ въ Польшѣ сохранились
кое какіе слѣды его, въ видѣ не только лѣ-
тописей, древнихъ актовъ, богослужебныхъ
книгъ, но и нѣмыхъ свидѣтелей, носителей жи-
вой старины,—старинныхъ храмовъ и иконъ.
Такъ, въ Краковскомъ костелѣ Святого Креста
и въ нѣкоторыхъ другихъ костелахъ Польши
донинѣ сохранились иконописныя фрески съ
надписями на древне славянскомъ, т. е. пра-
вославно-церковномъ, языкѣ. Ченстоховская
икона Божіей Матери, понынѣ особенно чти-
мая поляками, какъ и икона Богоматери
„Неустанной Помощи“, тоже чтимая поляка-
ми,—греческаго письма, причемъ на послѣд-
ней даже православный (восьмиконечный)
крестъ. Обѣ эти иконы—весьма древнія, пе-
решедшія къ полякамъ—католикамъ отъ пра-
вославныхъ. Сохраняются понынѣ слѣды пра-
вославія и въ глубинѣ польской народной ду-
ши: память о св. Кириллѣ и Меѳодіи, какъ
патронахъ и первоучителяхъ Польши, и те-
перь глубоко чтится польскимъ народомъ;
она празднуется въ Польшѣ 9 марта и въ
церковной службѣ этого дня читается, меж-
ду прочимъ, слѣдующая молитва: „Ты, кото-
рый черезъ блаженныхъ пастырей и исповѣд-
никовъ Твоихъ и нашихъ патронновъ Ки-

рилла и Меѳодія къ единству вѣры сподобилъ насъ призвати“ и т. д.

Принявъ внѣшнія формы католицизма, поляки долго и упорно не поддавались внутреннему перерожденію своей славянской природы. Многихъ усилій стоило Риму утвердить свое господство въ Польшѣ. Но и по утвержденіи его, поляки проявляли рѣшительный протестъ противъ латинства, стремясь сохранить первоначальныя формы жизни и быта. Не могли они примириться ни съ латинскимъ богослуженіемъ, ни съ причащеніемъ подъ однимъ видомъ, ни съ безбрачіемъ духовенства, ни, наконецъ, съ анти-славянскими тенденціями римской куріи, вліявшей, чрезъ свое духовенство, въ этомъ духѣ не только на религіозный, но и на весь гражданскій и политическій бытъ и строй Польши. Папское постановленіе о безбрачіи римскаго духовенства встрѣтило въ Польшѣ общее недовольство и упорное противодѣйствіе. Вопреки папскому постановленію, ксендзы въ Польшѣ, и даже частью высшее духовенство, имѣли женъ вплоть до XVI столѣтія.

Въ XVI столѣтіи Польша вновь приходитъ въ религіозное движеніе. На сеймахъ, въ сочиненіяхъ и брошюрахъ раздаются громкіе протесты противъ Рима, требуется отложеніе отъ него и образованіе самостоятельной національной церкви. Это движеніе въ сторону возвращенія Польши къ православію приняло настолько широкіе размѣры, что король Сигизмундъ-Августъ долженъ былъ отправиться въ 1556 году въ Римъ, къ папѣ Павлу IV, посольство со слѣдующими пятью требованіями: 1) совершеніе богослуженія на славянскомъ языкѣ; 2) причащеніе подъ двумя видами, 3) отмѣна безженства священниковъ; 4) установленіе въ Польшѣ постояннаго собора для вѣдѣнія и устройства ея церковныхъ дѣлъ (т. е. независимость отъ Рима польской церкви) и 5) прекращеніе „динарія св. Петра“ и всякихъ вообще денежныхъ обложеній Польши въ пользу Рима.

При помощи различныхъ „*ria graus*“ („благочестивыхъ обмановъ“), римская курія оставила вопросъ до поры до времени нерѣшеннымъ. Поляки, правда, не успокоились, требуя рѣшенія церковнаго вопроса помимо Рима. Но онъ хитро сумѣлъ не только устранить очень серьезную опасность—потерю цѣлой славянской страны, но обратить ее въ свое слѣпое орудіе: была сочинена пресловутая унія, при помощи которой Римъ сулилъ полякамъ полное поработеніе Польшѣ всей западной и юго-западной Россіи, на которую и устремились всецѣло поляки, забывъ на время о своемъ религіозномъ вопросѣ.

Анти католическое движеніе среди поляковъ повторилось,—хотя и въ болѣе уже слабой степени,—послѣ паденія Польши (на почвѣ разочарованія въ Римѣ, не спасшаго, какъ ожидали поляки, ихъ „ойчизны“, а наоборотъ—благословившаго раздѣлы Польши), въ началѣ прошлаго столѣтія (Линде, Мацѣевскій) и затѣмъ послѣ послѣдняго (1863 года) мятежа (на почвѣ того-же разочарованія въ могуществѣ Рима возстановить „ойчизну“). Это послѣднее движеніе, нашедшее руководителей въ средѣ самого польско-католическаго духовенства, долго таилось въ глубинахъ народныхъ и проявилось широкимъ потокомъ только въ послѣдніе годы, въ видѣ маріавитства“.

Какъ-же странно послѣ этого слышать, когда католическіе полемисты пытаются доказать, будто Русскіе на первыхъ порахъ были католиками.

Впрочемъ въ интересахъ своей пропаганды католики прибѣгаютъ и не къ такимъ еще приемамъ. Прекрасную характеристику латинской пропаганды даетъ „Подольнинъ“ въ статьѣ: „Кто долженъ вести борьбу съ католичествомъ!“

„Читая ежедневно статьи и корреспонденціи о пропагандѣ католичества въ нашемъ краѣ и о тѣхъ способахъ, которые употребляются при семъ, невольно задаешь вопросъ: да христіанство-ли католичество, что само такъ извращаетъ ученіе Христа, да и достойны-ли представители католичества носить имя христіанъ, когда такъ поступаютъ?“

Въ самомъ дѣлѣ, судите сами, можно-ли назвать христіанствомъ то вѣроисповѣданіе, которое нарушало постоянно и нарушаетъ самый смыслъ и духъ христіанскаго ученія, стараясь ставить свои собственные интересы выше интересовъ христіанскихъ?—Полагаю, что нѣтъ. Мало того, я утверждаю, что если-бы православіе утратило смыслъ и духъ Христова ученія, то оно уже не могло бы называться христіанствомъ.

Основатель христіанства повелѣлъ апостоламъ: „идите по всему міру и проповѣдуйте евангеліе, кто будетъ вѣровать, спасенъ будетъ“, а кто не будетъ, осужденъ будетъ; и они пошли и проповѣдывали вездѣ. И у православныхъ священниковъ на этомъ основаніи для уловленія челоуковъ возможенъ только единственный путь—проповѣдь евангелія безъ тѣни малѣйшаго насилія и завоеваніе душъ челоуческихъ путемъ выясненія совершенствъ завѣтовъ Христа.

Если-же у ксендзовъ для „уловленія“ душъ всѣ мѣры являются цѣлесообразными и нравственно-допустимыми, то есть-ли тутъ соблюденіе заповѣди Христовой, есть ли тутъ пониманіе смысла и духа Христова ученія? Нѣтъ и нѣтъ... Видно, что здѣсь нѣтъ цѣли добиваться осуществленія завѣтовъ Христа. Видно по всему, что цѣль здѣсь совсѣмъ другая!

Въ то время какъ священникъ только принимаетъ тѣхъ людей, которые добровольно выражаютъ желаніе присоединиться къ православной церкви, ксендзы прямо „ловятъ“ своихъ овецъ. Да иначе и быть не можетъ.

Разъ ксендзъ сознаетъ себя рядовымъ католической арміи, главный штабъ которой находится въ Римѣ, всюду среди не католическаго населенія онъ чувствуетъ себя въ непріятельской странѣ и сообразно съ этимъ и дѣйствуетъ: онъ вступаетъ въ битву съ врагами, устраиваетъ засады, беретъ въ плѣнъ побѣжденныхъ. Однимъ словомъ, у него духъ римскаго солдата завоевателя, тотъ-же замаскированный древне-римскій хищнической духъ который двигалъ во всѣ концы тогдашняго міра желѣзные легіоны для подчиненія всего Рима.

Посему не удивительно ничто въ дѣятельности ксендзовъ. Ксендзы учатъ своихъ прихожанъ бить и истязать своихъ православныхъ женъ до тѣхъ поръ, пока онѣ не измѣнятъ религіи отцовъ: ксендзы учатъ женъ католичекъ уходить отъ православныхъ мужей и не возвращаться къ нимъ до тѣхъ поръ, пока они не согласятся совратиться въ католичество; ксендзы учатъ не допускать православныхъ священниковъ въ свои дома для напущенія православныхъ членовъ семьи.

Для присоединенія къ католичеству подготавливаютъ соблазнять православныхъ дѣвушекъ, а затѣмъ угрозами бросить вынуждаютъ къ переходу въ католичество. Да и что говорить!? Для присоединенія къ католичеству ксендзъ не брезгаетъ даже такими средствами, какъ спаиваніе. Присоединяемаго поятъ водкой и уже съ одурманеннымъ разсудкомъ и съ убитою совѣстью присоединяютъ къ католичеству.

За ксендзомъ идетъ и его союзникъ помѣщикъ-полякъ, отъ котораго часто въ нашемъ краѣ православные бѣдняки находятся въ полной зависимости и который думаетъ черезъ совращеніе православныхъ въ католичество, отбудовать свою ойчизну.

Конечно, отсюда ясно, что то, что совѣсть разрѣшаетъ ксендзу, на основаніи того духа, которымъ насквозь пропитано католичество, совершенно недопустимо съ точки зрѣнія православія. И если-бы православный священникъ допустилъ-бы чтонибудь подобное, то по совѣсти онъ нравственно долженъ былъ бы отказаться отъ своего сана. Посему то православный священникъ никогда и не можетъ допустить чего-нибудь подобного, оставаясь вѣрнымъ духу Христова ученія.

Священникъ—рыбарь мирный, уловляющій души проповѣдью кротости, любви и незлобія. Онъ не можетъ быть православнымъ священникомъ, устраивая хотя бы своимъ иновѣрнымъ ближнимъ засады, разставляя капканы и раскидывая предательскіе силки. Если даже противникъ и вынуждаетъ его къ сему, онъ не можетъ послѣдовать

его примѣру, оставаясь вѣрнымъ духу проповѣдуемаго ученія. Все, чѣмъ онъ можетъ отвѣчать своимъ гонителямъ, такъ это возгласомъ передъ алтаремъ Распятаго: о ненавидящихъ и обидящихъ насъ миромъ Господу помолимся!

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что приемы католической пропаганды пропитаны духомъ земнымъ, безпощаднымъ и лишеннымъ и тѣни христіанскаго идеализма, нетерпимымъ и жестокимъ. Эта пропаганда не религіозная, а политическая. И православный священникъ никогда нравственно не можетъ бороться тѣмъ-же оружіемъ, съ какимъ для уловленія душъ выходитъ всинственнѣйшій ксендзъ.

Посему то православіе должно охраняться отъ католической пропаганды, какъ отъ чисто мірскаго политическаго зла, главнымъ образомъ, гражданскими властями. Что это такъ, подтверждается ежедневнымъ наблюденіемъ надъ тѣмъ явленіемъ, что ни передъ чѣмъ ксендзы такъ не лебезятъ, какъ передъ представителями гражданской власти: они прекрасно знаютъ, кто можетъ ихъ заставить отступить отъ нападеній и кто можетъ причинить имъ огромный уронъ“.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

— **Распредѣленіе суммы на вознагражденія благочинныхъ за ихъ труды по введенію дѣла страхованія въ епархіяхъ.** Св. Синодъ согласно представленію страховаго отдѣла, назначилъ на вознагражденіе мѣстныхъ дѣятелей по страхованію церковей сумму въ 200,000 руб., изъ коихъ 140,000 руб. будетъ отпущено въ настоящемъ году, а 60,000 руб. въ началѣ слѣдующаго года. Эти деньги распредѣлены между 66 епархіями, въ которыхъ введено съ 1911 г. страхованіе церковныхъ зданій. На каждую епархію назначена разная сумма, въ зависимости отъ того, сколько зданій застраховано въ каждой епархіи, какая страховая стоимость этихъ зданій и какъ велики территоріальные предѣлы епархіи. Такъ на епархіи Кіевскую, Московскую, Омскую и Томскую назначено по 7,000 руб., на Тобольскую 6,600 руб., на Самарскую и Вятскую по 5,600 руб., на Вологодскую и Полтавскую по 5,400 руб., на Архангельскую 5,000 руб., на Тверскую, Саратовскую и Волынскую по 4,800 руб., на Тамбовскую и Оренбургскую по 4,600 руб., на Новгородскую, Владимірскую и Подольскую по 4,400 руб., на Курскую 4,100 руб., на Костромскую, Харьковскую, Воронежскую, Ярославскую, Черниговскую и С.-Петербургскую по 4,000 руб., на Донскую, Ставропольскую и Екатеринбургскую по 3,600 р., на Орловскую, Тульскую, Пензенскую, Нижегородскую и Казанскую по 3,400 руб., на Рязанскую и Перм-

скую по 3,200 руб., на Екатеринославскую 3,000 руб., на Херсонскую и Смоленскую по 2,800 руб., на Минскую 2,600 руб., на Могилевскую, Уфимскую, Симбирскую, Астраханскую и Кишиневскую по 2,400 руб., на Калужскую 2,000 руб., на Олонецкую и Таврическую по 1,800 руб., на Псковскую 1,700 руб., на Гродненскую и Полоцкую по 1,600 руб., на Литовскую 1,400 руб., на Рижскую и Холмскую по 1,200 руб., на Владикавказскую 800 руб., на Варшавскую и Финляндскую по 500 р.
„Кол.“

— **Медали для окончивших епарх. женскія училища.** Св. Синодомъ одобренъ выработанный въ учебномъ комитетѣ проектъ медалей для лицъ, окончившихъ съ успѣхомъ курсъ седьмого дополнительнаго класса епархіальныхъ женскихъ училищъ. Устанавливаются двоякаго рода медали—золотыя и серебряныя. Золотыя будутъ присуждаться тѣмъ воспитанницамъ, которыя на окончательныхъ испытаніяхъ въ среднемъ выводѣ изъ всѣхъ обязательныхъ предметовъ имѣютъ баллъ не менѣе $4\frac{3}{4}$ и по каждому предмету не менѣе 4, серебряныя же—получившимъ въ среднемъ выводѣ баллъ не менѣе $4\frac{1}{2}$ и по каждому предмету тоже не менѣе 4. По поведенію тѣ и другія должны имѣть баллъ не менѣе 5. Медали будутъ приобрѣтаться на средства епархіальныхъ училищъ. Въ случаѣ же неимѣнія этихъ средствъ, совѣты училищъ обязаны въ выдаваемыхъ удостоиваемымъ награжденія медалями свидѣтельствахъ отмѣчать о правѣ владѣльцевъ этихъ свидѣтельствъ на медали. Одобренный проектъ медалей и условія ихъ полученія будутъ представлены на Высочайшее утверждение.

— **Объ оштрафованіи за неправильное веденіе церковнаго хозяйства.** При разсмотрѣніи дѣла о неправильномъ веденіи церковнаго хозяйства въ одномъ изъ селъ епархіи вятское епархіальное начальство, признавъ такой способъ веденія церковнаго хозяйства, какой имѣлъ мѣсто въ упомянутомъ селѣ, благодаря которому скрывалась дѣйствительная доходность храма и скапливалась до вольно значительная сумма денегъ, предназначавшаяся хотя и на украшеніе его, но безъ контро-

ля и разрѣшенія епархіальнаго начальства, недобросовѣстнымъ и найдя виновнымъ въ этомъ дѣлѣ настоятеля церкви и церковнаго старосту, при невнимательномъ отношеніи къ дѣлу учета церковныхъ денегъ прочихъ членовъ причта, 13 мая 22 іюня 1911 года постановило; настоятеля церкви оштрафовать въ пользу епархіальнаго попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія на 100 руб., церковнаго старосту, за состоявшимся уже увольненіемъ его отъ должности, взысканію не подвергать, а членовъ причта, за безучастное ихъ отношеніе къ дѣлу веденія церковнаго хозяйства ввѣренной имъ церкви, оштрафовать въ пользу епархіальнаго попечительства на 100 р. подоходно, безъ внесенія въ послужные ихъ списки, съ пропечатаніемъ въ епархіальныхъ вѣдомостяхъ и съ предупрежденіемъ, что при повтореніи будетъ поступлено съ ними безъ всякаго снисхожденія.

(„Вят. Еп. В.“).

— **Странный ревизоръ.** Членъ тетюшской уѣздной земской управы магометанинъ Селиковъ, ревизуя шонгутскую земскую школу, занесъ въ ревизіонную книгу замѣчаніе о неправильномъ преподаваніи Закона Божія священникомъ-законоучителемъ. По словамъ „Каз. Тел.“, инспекторъ народныхъ школъ, просматривавшій ревизіонную книгу, обратилъ вниманіе на глупую выходку обнаглѣвшаго магометанина и обратился съ жалобой въ управу на его неправильныя дѣйствія. Въмѣсто того, чтобы сразу осадить зазнавагося татарина и указать ему свое мѣсто, управа предложила земскому собранію выяснить, правильно ли поступилъ Селиковъ.

Печатать разрѣшается: Цензоръ

Архимандритъ Прокопій.

Редакторъ неофициальной части

Архимандритъ Митрофанъ.

СО Д Е Р Ж А Н І Е Н О М Е Р А .

- I. Часть официальная. II. Часть неофициальная: 1) Свѣтлый праздникъ русскаго просвѣщенія. 2) „И здѣсь наше горе“. 3) Плачъ вдовы. 4) Отклики. 5) Хроника. 6) По епархіи. 7) Печать. 8) Извѣстія и замѣтки.